

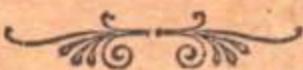
ПОСМЕРТНАЯ ПЬЕСА Ф. И. ЧУДАКОВА.

2 Цѣна 1 р. 25 коп. № 3

„ИЗГНАННИКИ“

Издание Дмитрия Чудакова.

(КАРТИНА ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ ССЫЛКѢ)

ГОР. БЛАГОВЕЩЕНСК
1918 г.
издат. № 910.

Посмертная пьеса Ф. И. Чудакова.

„ИЗГНАННИКИ“.

(Картины изъ жизни въ ссылкѣ)

Дѣйствіе I-е.

Большая крестьянская изба. Вдоль лѣвой стѣны—нары: доски, положенные на длинные скамьи. Койка старосты—у противоположной стѣны. Токарный станокъ у одного окна и столярный верстакъ—у другого.

ВѢЧЕРЪ.

Никита работаетъ у токарного станка, Староста—у столярного, Максъ за столомъ читаетъ, Антонъ расхаживаетъ по комнатѣ, а Бродяга лежитъ на нарахъ.

Никита (осматривая рубанокъ): Козлятушки-ребятушки, опять рубанокъ кто то бралъ?

Антонъ. Максъ, конечно!

Максъ. Вотъ же и не думай,

Антонъ. Врешь, я вѣдь видѣлъ, какъ ты имъ брился, намылилъ щеку, сѣль передъ зеркаломъ и давай стругать, только искры сыплются.

Бродяга. Что зря на Макса клепать! Между нами говоря, товарищъ Антонъ твоимъ рубанкомъ языки подчищалъ. Затупился, говорить, онъ у меня, надо, говорить, стружку съ него спустить.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никита (лесть 55, сѣдой, высокій, сухой).

Староста (30 лѣтъ, коренастый, усатый).

Максъ (юноша лѣтъ 20).

Антонъ (25 лѣтъ, стройный съ большими волосами).

Бредяга (лесть 25, волосатый сильный).

Кирша (извозчикъ лѣтъ 30, развианный парень).

Борисъ { Зайцевы мужъ и жена, оба лѣтъ по 25).

Вѣра (подруга Вѣры, однихъ съ ней лѣтъ).

Елена

Никита. Чудакъ человѣкъ, развѣ можно дубо-
вая вещи сразу рубанкомъ? Сперва нужно топо-
ромъ оболванить, потомъ шершебелемъ пройтись
А то весь рубанокъ иззубрилъ.

Антоній. Какіе вы всѣ остроумные стали!

Никита. А что намъ не остроумничать? Жисть
наша легкаа, духъ у насъ легкій...

Бродяга... пишиа легкаа...

Никита... обужа, одежа легкаа...

Бродяга. Вообще легкость во всемъ необы-
чайнаа.

Никита (поетъ). „Старъ я сталь и шаловли-ивъ“...
Панъ Староста, дай-ка брусоокъ.

Староста. Подожди, я тутъ одну штуку со-
ображаю.

Никита. Ну, соображай! Максъ, а ты бы со-
образилъ насчетъ чайку.

Максъ. Ладно, вотъ дочитаю.

Антоній. Максъ увлекся Жюль Верномъ. Это
послѣ молотбы полезно.

Никита. Ну, какъ выдержалъ онъ экзаменъ?

Антоній. Собственно говоря, педагогический
совѣтъ не вынесъ еще определенного рѣшенія. Я
по добротѣ души троечку бы поставилъ.

Бродяга. Ужъ очень ты строгъ! Я полагаю,
что въ приготвишки по молотѣ принять его
можно.

Антоній. Значить, твоя нога уже зажила?

Максъ. Да я-же не нарочно!

Никита. А все таки по ногѣ кому-то тинула?

Максъ. Это случайность! Бродяга же самъ
подвернулся.

Бродяга. Пожалуй, вѣро. Я, по глупости,
стоять такъ, что какъ разъ, при известномъ на-
пряженіи, можно было достать цѣпомъ. Но если
принять во вниманіе, что цѣпъ упалъ на ногу, а
не на голову, то нельзя не признать, что Максъ¹
проявилъ изумительное умѣніе. Хотя, конечно, я
не буду протестовать, если завтра Максъ останет-
ся дома, а молотбу предоставить намъ съ Анто-
номъ, какъ общепризнаннымъ специалистамъ этого
искусства.

Антоній. А вѣро, товарищи, въ концѣ кон-
цовъ, молотьба не такое уже простое занятіе. Это
именно искусство! Тутъ, если хотите, до дьявола
поэзія! Эти строго ритмические взмахи, удары по
тугому снопу, отъ котораго цѣпъ самъ взлетаетъ
на воздухъ,—ей Богу, когда войдешь во вкусъ
работы, никакого усиленія не чувствуешь! Руки
такъ сами и ходятъ. Словно дирижируешъ какой-
то хорошей и бодрой пѣсней. А подъ цѣпомъ зер-
но такъ и мечется, струями крутится, волнуется...
А попадеть хорошо подсущенный снопъ, прямо
изъ овна, такъ отъ первого удара онъ прямо
поетъ! Звенитъ! Серъезно! Тонкій такой металлический
звукъ.

Никита. Глѣбъ Успенскій особенно тонко
чувствовалъ эту поэзію крестьянского труда. По-
мнишь его разскѣзъ про эту... какъ ее... Варвару,
что-ли? На сѣнокосѣ, помнишь?

Бродяга. Антонъ уменъ, хорошо все это раз-

сказать. Действительно... Я воръ люблю молотьбу. За эти двѣ зимы я перемолотил столько, что мнѣ на всю жизнь хватило бы на шаньги. И хожу на молотьбу съ удовольствиемъ Плата нищенская... гравенникъ въ девъ. Но дайте мнѣ полтину въ день и заставьте жать—не пойду. Жатва никакой поэзіи не допускаетъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь, въ этой благословенной Челдоніи. Синна болитъ анафемски, кровь къ головѣ приливаетъ, а главное, мошка оканная. Вѣдь приходится въ сѣткѣ работать! Поть такъ и течеть. Духота. И въ добавокъ—въ рукавицахъ! Нѣть, той работы и не люблю.

Антоній. Не знаю, не пробовалъ.

Бродяга. И не пробуй, товарищъ! Раскаешься. Лучше нанимайся стаи чистить. Грязная работа, пакостная, но какъ-то интереснѣе. Особенно когда начнешь весной ледъ скальвать. Хорошо, когда ледъ оттаетъ отъ земли, подѣлиши его ломомъ, и какого-нибудь лѣшаго, этакъ пудовъ на семь выворотишь. Крахтишь, изви его, упирается, а ты гнешь въ сторону, начижаешь плечемъ,—трахъ!—евалишь! Но нѣть лучше работы, какъ весной дрова пилить. Вотъ, дѣйствительно, поэзія! Правда, какъ-то жалко сперва. Стоитъ какая-нибудь сосна, барыня этакъ въ три обхвата, свѣжая, здоровьемъ такъ и пышетъ. До самой вершины—ни одного сучка. А вверху—корона, вѣнецъ! Подойдешь, посмотрюши—жалко рубить. Первый ударъ нанесишъ уехотя. Второй, третій. Но когда полетятъ сочные щепки, запахнетъ смозистымъ этакимъ ароматомъ,

а топоръ весело врѣжется въ упругую мякоть,—право, все забудешь и только и думаешь, какъ-бы посильнѣй размахнуться... А потомъ—паденіе дерева! Шумъ, трескъ, грохотъ! Или пилить начнешь. Ей-Богу, хорошо, братцы!

Никита. Хорошо-то хорошо, только все это не для насть, стариковъ, писано. А я бы всей этой прелести предпочелъ свой уголокъ въ редакціи. Сидишь тамъ, работаешь, уютно, тихо...

Антоній. Какъ думный дѣлъ, въ приказахъ посыдѣлъ, добру и злу внимая равнодушно...

Никита. О, батенька мой, какое тамъ равнодушіе! Кипишь, какъ масло на сковородѣ.

Антоній. И также чадъ распространяешь...

Бродяга. А читатель вдыхаетъ да похваливается...

Максѣв. Товарищъ Вѣра тоже въ газетахъ писала. Она и сейчасъ пишетъ. Статью написала, въ „Радугу“ пошила.

Никита. О-охъ, „Радуга“, „Радуга“, какъ-то у нихъ теперь дѣла...

Бродяга. Скорѣе бы весна, братцы... Ушелъ бы я на Кову, пошлялся бы по тайгѣ...

Антоній. Въ третій разъ удирать хочешь?

Бродяга. Въ четвертый, паря. Это я у васъ зажился тутъ. Въ другихъ мѣстахъ я по-долгу не задерживаюсь.

Староста. Товарищи, а какже насчетъ чаю?

Максѣв. Ладно, сейчасъ!

Бродяга. Да, поколесиль я по этимъ мѣстамъ. Во всѣхъ столицахъ политической ссылки

побывать. И вездѣ живутъ лучше, чѣмъ вы братцы. У Обухова въ Брянскѣ коньякъ пить. Шлема въ Нижне-Нельминскѣ сигарами угостили и форменные большевистскія брюки подарили. Хорошо живутъ и въ Векшѣ: взяли подрядъ вакеровые орѣхи, зашибли деньги, теперь чай пьютъ съ сахаромъ. Въ прошлую зиму въ Прядченкѣ побывали—тамъ наши мельницу построили. Звали меня въ пай—бревна возить. Подумалъ, подумалъ, согласился. Но на Рождество устроили небольшое суарѣ, я съ дуру попадѣвъ въ любви объяснился и принужденъ быть отъ своего счастья сѣѣжать. Въ Падуй удралъ. Ну, тамъ худо. Какъ и у васъ, грѣшныхъ, больше все чаекъ кирпичный, да кислое молоко. Эрфуртскую программу жуютъ и кислымъ молокомъ заливаютъ. Тамъ я и шлемины большевистскія брюки сгубилъ: отдалъ меньшевику Никанору, у того, сердечнаго, костюмъ пришелъ въ окончательное уныніе.

Антонъ. Знаешь, Бродяга, мнѣ приходить въ голову коммерческая мысль. Издать тебя въ видѣ справочника: „Ефимъ Бродяга. Путеводитель по мѣстамъ отдаленнымъ. Необходимая настольная книга для начинающихъ государственныхъ преступниковъ“⁴. По доступной цѣнѣ.

Бродяга. Форматъ у меня неподходящій. Въ карманѣ не полѣзу, а съ полки соинимъ дѣломъ свалюсь.

Никита. И опять въ бѣга ударишься.

Бродяга. Обязательно! Вѣдь тутъ что глав-

шое? Не поиски сѣтной жизни, какое тамъ! Натура у меня такая. Предки наши скіфи были, кочевники.

Максъ. А товарищъ Вѣра говорить, что твои предки были медведи.

Бродяга. Товарищъ Вѣра, какъ всякая меньшевичка, склонна къ заблужденіямъ. Хотя, черть знаетъ, можетъ быть, тутъ ползотникъ правды и есть. Ужъ очень хорошо я себя на ходу чувствую. Идешь тайгой, сумочка бродяжки за плечами, въ рукахъ налочка такая, поувѣсистый, Авдотьей Ивановной называется. Вокругъ лѣсь, зелень, цветы. Ручьи это на каждомъ шагу, одинъ другого лучше. Эхъ, братцы, хорошо въ тайгѣ... Лебедей однажды на озерѣ видѣлъ...

Максъ Товарищъ Вѣра...

Бродяга. Что товарищъ Вѣра?

Максъ. Такъ, Я вспомнилъ, что товарищъ Вѣра недавно пѣсню о лебедь пѣла.

Антонъ. Максъ, чайникъ то выкипить!

Максъ. Ладно! Готово! Сейчасъ чай крошить надо...

Никита. Ну, и сторонка! Чай тутъ крошить, молоко колоть, щи топоромъ рубить, рыбу стругаютъ.

Староста. Къ чаю лавровый листъ подсыпаютъ. Ни чай, ни сушъ...

Бродяга. Нѣть, пожалуй, все таки удирать надо. Пойду-ка я, братцы, на Будобѣ къ Мельникову.

Никита. Замерзнешь дорогой.

Бродяга. Ну какие сейчас морозы! Ерунда!

Никита. Да почти всю неделю 20 градусов.

Бродяга. Ну, и морозь, сказалъ тоже! По здѣшнимъ мѣстамъ 20 градусовъ оттепель считается, съ крыши каплетъ...

Антонъ. До первой каталажки долго ли дойти.

Бродяга. Ну, нѣть, братъ, шалишь. Я теперь получилъ право передвиженія по уѣзду. Со мной говори, да оглядывайся... Чу... Никакъ кто-то єдетъ?...

(Эзвонъ колокольцовъ.)

Никита. Ого, почта, ребятушки!

Максъ. Въ понедѣльникъ то!

Никита. А вѣдь вѣрно. Не почтовый день.

Бродяга. Нового большевика транспортируютъ. Нашего брата, эсера, безъ музыки возять...

Максъ. Чай готовъ, товарищи!

Староста. Коммуна, по мѣстамъ!

Бродяга. Ррравненіе на право!

Никита. Стой, кажется къ намъ?

Бродяга. Приставъ, должно быть.

Никита. Чу! Вѣрно, къ намъ.

Слышно, какъ къ избѣ подбѣзжаютъ сани. Черезъ некоторое время дверь отворяется и входитъ: Кириша со большимъ узломъ въ рукахъ и за нимъ Елена.)

Кириша. Ну, вотъ, паря-дѣвка, и добрались. Вотъ твое барахло. Здорово, товарищи!

Бродяга. Здравствуй, Кириша!

Кириша. Ой, паря Антонъ, каку я тебѣ не вѣсту привезъ, Ей-Бо!

-опа Антонъ. Ну, и снаслѣбъ!

Кириша. Право слово! Ой, хороша невѣста! Однако, ну вѣсъ къ лѣщему, надоѣхать къ дружку, чаевать. А хороша, Автоха, невѣста. (Уходитъ.)

Елена. Здравствуйте, товарищи!

Остальные. Здравствуйте!

Елена. Извините, что я прямо къ вамъ. Ямщикъ сказалъ, что здѣсь товарищи.

Антонъ. Пожалуйте, товарищи!

Никита. Радѣвайтесь скорѣе. У насъ какъ разъ и чай горячій.

Елена (снимаетъ шубу). Бррр.. Холодно въ этихъ мѣстахъ отдаленныхъ. Извините, я прямо на полѣ, (сбрасываетъ шубу на полѣ).

Бродяга. Зачѣмъ-же на полѣ, давайте сюда.

Елена. Господи, Ефимъ?

Бродяга. А? Позвольте? да вы ..

Елена. Не узнали?

Бродяга. Елена?

Елена. Ну, конечно!

Бродяга. А Леонидъ?

Елена. Въ Тифлисѣ осталася!

Бродяга. Елена! Вѣдь, вотъ! А я ужъ испугался, думалъ, придченская попадья. Товарищи! Это—товарищъ Елена, правовѣрная эсда. Знакомьтесь, товарищи! Вотъ напрѣстороста—Вацлавъ. Никита—сотрудникъ „Радури“.

Елена. Никита Кожемяка? жотъ отъ генерала

Бродяга. Онъ самый! Вотъ это

Елена. Читала „Исходъ изъ Египта“ въ прошломъ году печатался—это ваше?

Бродяга. Его. Это—Антонъ, марксистъ и молотильщикъ. Максъ—исполняетъ обязанности сряпки.

Антонъ. Чаю, товарищъ Елена!

Елена. Великолѣпно! Друзья мои, какъ я рада, что попала къ своимъ. А Зайцевой здѣсь нѣтъ?

Максъ. Товарищъ Вѣра?

Елена. Вѣрочка Зайцева. Здѣсь?

Максъ. Я сейчасъ за ней...

Елена. Да стойте, послѣ!

Максъ. Нѣтъ-же, она будетъ очень радоваться.

Бродяга. Иди, иди, Максъ!

Елена. Да куда въ такой холода!

Бродяга. Да дайте-же ему лишній разъ взглянуть на товарища Вѣру.

Максъ. Ну, и не пѣйду. Надѣйкой лучше посмѣшивайся.

Бродяга. Максъ, да ну тебя къ лѣшему. Не сердись. Иди, иди. Ну, скорѣй! На, вотъ одѣвай свою эпітрахиль, вотъ тебѣ камилавка,—бѣги! Зови ихъ обоихъ!

(Максъ уходитъ.)

Елена. И Борисъ здѣсь?

Антонъ. Оба здѣсь.

Бродяга. Вѣрнѣе будетъ—всѣ троє здѣсь. Зайченокъ-то тоже въ счетъ идетъ.

Елена. Вотъ какъ! У нихъ ребенокъ?

Бродяга. О, у насъ тутъ хорошо! Мы вотъ тутъ коммуной живемъ, весело у насъ.

Антонъ. А самъ въ бѣга собирается.

Бродяга. Ну, это по обязанности.

Елена. Бѣжать думаете, Ефимъ?

Антонъ. Онъ уже пѣтъ четвертый разъ. Его такъ и зовутъ здѣсь Бродягой.

Елена. И раньше такъ звали. (Принимаетъ отъ Антона чашку). Спасибо, товарищи!

Никита. Только ужъ извините, сахару нѣть.

Бродяга. Нашли, что онъ вреденъ для организма.

Антонъ. Какъ нѣть? Сейчасъ достану! Слѣдаю къ Чаплинскому!

Никита. Не дастъ!

Антонъ. Побожись, что не дастъ?

Никита. Лопни глаза, не дастъ!

Антонъ. Ну подыскивай новодыря. Я, товарищи, сейчасъ цѣлый фунтъ приволоку.

Елена. Да стойте! Не надо совсѣмъ сахару.

Антонъ. Как, не надо? У насъ-же гости, и вдругъ безъ сахару! Не беспокойтесь, мы вамъ сейчасъ такое угощеніе закатимъ!... (Одѣвается и уходитъ).

Бродяга. Ну, теперь въ него бѣсь вселился! Теперь его не удержишь!

Никита. Экспансивный паренекъ! Только напрасно онъ. Не дастъ Чаплинскій.

Бродяга. Дасть! Когда въ Антона входитъ бѣсь, въ остальныхъ прочихъ вселяется ангель и дѣлаетъ ихъ уступчивыми.

Елена. Да, право же, напрасно онъ. Неужели такъ нуженъ сахаръ? Я за всю дорогу сюда со-всѣмъ его не видѣла.

Бродяга. А сегодня увидите!

Елена (осматривая избу). У васъ мастерская. Вы чѣмъ нибудь занимаетесь?

Бродяга. Занимаемся болѣйшей частью ведо-
ѣдашіемъ, а въ качествѣ побочныхъ занятій — мо-
лотьбой и столярнымъ ремесломъ.

Никита. Пробовали слесарничать — не вышло.
Заказовъ нѣть.

Елена. И вы слесарничали? Писатель?

Никита. О, изъ меня какой еще слесарь вы-
шель! Ружья такъ научился чинить...

Бродяга. Что ихъ немедленно въ куски рвѣтъ
отъ первого выстрѣла.

Никита. Клевета!

Бродяга. А Тимохѣ глазъ вышибло — тоже
клевета?

Никита. Ну, у Тимохѣ и ружье то было...

Бродяга. Березовое, скажешь?

Никита. Хуже! Съ Тимохинымъ ружьемъ еще
праотець Авраамъ по куропаткамъ охотился.

Бродяга. Врешь! Въ писаніи сего не сказано.

Никита. Въ апокрифахъ есть.

Бродяга. Развѣ, что. А вотъ полюбуйтесь (по-
даетъ фанку, сдѣланную Старостой).

Елена. Вотъ прелестъ-то! Неужели сами сдѣ-
лади?

Староста. Да, это я баловался.

Бродяга. Это онъ для портрета своей Ядвиги

приготовилъ. А дерево — ольху стебросовую доста-
вали я. Чуть не замерз въ тайгѣ изъ-за этой
сантиментальности.

Елена. Это ваша жена и дочка?

Староста. Да, это мое семейство.

Елена. Они дома остались?

Староста. Куда же имъ было со мной? Подъ
Варшавой у нихъ хатка есть, съ отцомъ жены
живутъ.

Елена. Тяжело быть оторваннымъ отъ семьи...

Староста. Ну, что же дѣлать? Вотъ, какъ ни-
будь устроимся здѣсь, они тогда приѣдутъ. Ноюсь,
что дочка меня уже забывать стала. Малютка со-
всѣмъ. А умненькая! Шустрая такая!

Бродяга. Прошу прекратить этотъ ненужный
разговоръ! Чувствую приближеніе огромной пары
слезъ и предрасположеніе къ истерикѣ. Если Стар-
оста поговоритъ еще 2 минуты на эту тему, опять
всей коммунѣ спать не дастъ. Будетъ плакать и
скрежеть зубовъ.

Староста. Вѣчно ты шуташь! Однажды, прав-
да, у меня съ сердцемъ худо что то было...

Бродяга. Сердце! Выдумашь сердце какое то!
Понимаете, валерьянки не было, такъ ему,
извините, политуры въ стаканѣ воды накапать и
что-же? Выпилъ мой Староста, ничего, стерпѣлъ!
Будь у него настоящее, чистое, трудолюбивое серд-
це — развѣ стало бы оно такую дрянь за лекарство
считать? Вотъ у меня нѣть сердца, за то желуд-
ковъ по меньшей мѣрѣ, два съ четвертью.

Староста. Не слушай его, товарищъ. Наобо-

ротъ, онъ столько быль со мной, что, право, даже трогательно. Вы не смотрите на него, что онъ такой....

Никита. Медвѣдеобразный...

Бродяга. Тише! Чувствую приближеніе...

Елена. Слезы?

Бродяга. Гораздо лучше, сахара.

(Входитъ Антонъ).

Бродяга (поетъ): Чу ю приближе-еніе са-ахара.
Антонъ (въ тонѣ ему): и чаю фами-ильнаго...

Бродяга Вотъ какъ! Браво!

Антонъ. И коробки сарди-инокъ!..

Бродяга. Батюшки, да ты весь Чапаинскаго
мюрмерилизъ приволокъ! Товарищи, вышибить его
изъ меньшевиковъ! Онъ максималъстъ! Эксироп-
пріаторъ!

Никита. Магъ и волшебникъ!

Антонъ. А вотъ тутъ—угадайте, что?

Бродяга. Полфунта амнистії?

Антонъ. Почти что.

Бродяга. Персики и абрикосы?

Антонъ. Вотъ, гляди!

Бродяга. Отцы мои! Вяземскіе пряники! О,
государь, за это приношеніе прими мое благово-
лѣніе!

Антонъ. Теперь запишуемъ на просторѣ. Этотъ
растворъ кирпича я сейчасъ въ лоханку. (Вы-
плескиваетъ чай изъ чайника). Насыплемъ самаго
настоящаго. (Завариваетъ чай) Товарищъ Елена,
будьте за хозяйку! Садитесь подъ образа! Никита

стодвинься-ка. Староста, честь и мѣсто! Бродага,
открой сардинки!

Бродяга. Уволь, о государь! Какъ я прикос-
нусь къ эфакой нѣжной вещи? Да я ее, кажется,
не донеся до рта, проглочу со всей коробкой.

Антонъ. Ничего, покажи, что и ты быть ко-
гда-то культурнымъ человѣкомъ. Возьми долото и
осторожненько такъ.

Бродяга. А не лучше-ли напильникомъ?

Никита. Ну, ну, ты моего напильника не порти

Бродяга. Какъ такъ—твоего? Товарищи! Ники-
та начинаетъ проявлять буржуазныя наклонности!
Онъ признаетъ право собственности! Протестую!
Все должно быть общимъ!

Никита. Все, кроме твоего остроумія.

Бродяга. (трудясь надъ коробкой): Пожалуй-
ста, бери твою долю. Пятой части для тебя впол-
нѣ довольно. На весь вѣкъ хватитъ!

Елена. Бродага, вы такой-же исправимый
балагуръ, какъ и встарь.

Бродяга. Мое призваніе—быть веселымъ и
устраивать счастливые браки.

Антонъ. И доводить женщины до самоубий-
ства.

Бродяга. Это какжѣ?

Антонъ. А прадченская попадья?

Бродяга. Хорошее самоубийство, если она на
полтора пуда въ вѣсѣ прибыла.

Никита. А тебѣ обѣ этомъ извѣстно?

Бродяга. Сердцемъ чую.

Никита. Да вѣдь у тебѣ же нѣть сердца?

Бродяга. О, сейчас у меня этого сердца— сколько хощу! Такъ и пылаеть любовью къ сардинкѣ. Вотъ, готово! Ффу, усталъ! Хуже молотьбы, ей-Богу!

Антонъ. Товарищи! Подымаю чашу фамильного чаю за то, чтобы новый нашъ товарищъ Елена...

Бродяга. Я думалъ, за меня...

Антонъ. Попавъ въ эти суровые края...

Бродяга. Велика заслуга...

Никита. Не перебивай, Ефимъ!

Антонъ... нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы не опускать крылья и сохранить свое сердце и душу живу. Какъ ни скверно здѣсь жить, но сохранить самое цѣнное сокровище—душу живу— можно!

Никита. И должно!

Антонъ. И пожелаемъ, чтобы товарищъ Елена не падала духомъ, не поддавалась хандрѣ и на всѣ удары жизни отвѣчала веселой улыбкой. Тяжела, безрадостна и мучительна наша жизнь. Но, товарищи, грошъ цѣна тому человѣку, который улыбается только тогда, когда жизнь его ласково щекочетъ. Сильный человѣкъ не любить щекотки. Пусть жизнь даетъ ему только одни подзатыльники, онъ отвѣчаетъ: „Ничего, до свадьбы заживеть! Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“ Надѣюсь, что въ лицѣ товарища Елены мы будемъ имѣть именно такого человѣка, сильнаго, смѣлаго и радостнаго

Бродяга. Урра!

Елена. Спасибо, товарищи! Будущее, конечно, покажеть, что и какъ. Но должна сказать, что

ссылка мвѣ начинаеть казаться ~~уже не~~ такой страшной, какъ я думала. По правдѣ сказать, я даже немнога разочарована. Я дула здѣсь встрѣтить людей хмурыхъ, озлобленныхъ, грустныхъ, подавленныхъ. Можетъ быть, завтра же изъ этой комнаты я увижу такихъ людей...

Бродяга. Никогда!

Елена. Можетъ быть, этотъ вечеръ проходить у васъ въ хорошемъ настроеніи случайно. Но вашъ теплый приемъ, ваша сердечность, ваши лица, та кія ласковыя, живыя, милыя лица—они такъ благотворно дѣйствуютъ на меня. Я ѿхала сюда въ неважномъ состояніи. Думала... Ну, да что говорить! Спасибо, товарищи! Ей-Богу, мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Бродяга. Браво! Товарищъ Елена! Плюньте на всякія мрачности и предайтеся обѣяденію. Ей Богу, на жизнь надо смотрѣть просто, безъ всякихъ очковъ. Ссыпка? Велика важность! Никита, вонъ, два раза въ административной былъ, теперь пришелъ съ лишениемъ правъ, а посмотрите: на немъ никакой коросточки угрюмости или озлобленія. Чистъ и ясенъ духомъ, какъ скворецъ. Я тоже, признаюсь, поколесилъ по этимъ мѣстамъ и не хвастаюсь скажу, что ~~о~~ самоубийствѣ не помышию. Да и что такое жизнь? Жизнь—это я! А я самъ себѣ хозяинъ. Значитъ, лицо я никакую тамъ отвлеченнную, выдуманную, злобную старушонку, именуемую въ философіи жизнью. Я—какъ гоголевскій Каленикъ—самъ себѣ голова!

Антонъ. Бродяга, ты все таки оставь и другимъ! Уже полкоробки съѣлъ!

Бродяга. Виновать, философія у меня всегда аппетитъ подымаетъ. На, подавись! Я прянками займусь!

Никита. Бродяга—примитивный человѣкъ, конечно, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ живеть эмоціями...

Бродяга. Ну, пошелъ! Ней лучше чай. (*Раскусывая пфлникъ*). Ай, да прянки! Дай ка мнѣ, Антоша, полѣнце покрѣпче. Али камень поувѣсить! Такими прянками изъ-за угла слоновъ убивать. Его надо четыре года въ уксусѣ мочить, да потомъ о землю бить полтора сутокъ. Если зубъ сломаю, на Антона искъ подамъ.

Никита. А что, Ефимъ, въ воскресенье диспутъ устроимъ?

Бродяга. !ожалуйста! Ты, пожалуйста, не воображай, что если въ прошлый разъ приперъ меня къ стѣнѣ, такъ уже и побѣдить. Мы еще повоюемъ, лѣшій побери, какъ говорить Тургеневъ, Антонъ и товарищъ Елена.

Елена. У васъ и диспуты бываютъ?

Никита. Да, раза два въ мѣсяцъ. Беремъ какую-нибудь тему и развиваемъ ее путемъ спора... Это дисциплинируетъ умъ и не даетъ опускаться и распускаться.

Антонъ. А на Рождество у насъ спектакль былъ. „Женитьбу“ ставили...

Елена. Даже спектакль! Товарищи, да у васъ совсѣмъ хорошо!

Бродяга. Какъ въ лучшихъ домахъ! А хотите, мы сейчасъ стихами будемъ съ Антономъ говорить? Только, конечно, бѣлыми?

Антонъ. Ну, нашелъ время...

Елена. А вѣдь это интересно.

Бродяга. Замѣчательно интересно! Вотъ, напримѣръ, тема: пойдемъ ли мы завтра къ Тимохѣ молотить? Въ вольномъ подражаніи „Орлеанской дѣвы“, это будетъ звучать такъ (обращаясь къ Антону): Сеньоръ Антонъ! Пойдемъ-ли завтра мы, О, молотить къ Тимохѣ, о, пшеницу?

Съѣтствуй мнѣ по правдѣ, о, сеньоръ!

Антонъ. О, государь, Ефимъ великолѣпный! К услугамъ вашимъ я готовъ всегда!

Бродяга. Благодарю, сеньоръ Антонъ! Потолько

Имѣю смѣлость заявить я вамъ,
Что донъ Максимъ, поклонникъ донны Вѣры,
Мнѣ по ногѣ преобразно закатить
Цѣпомъ презрѣнныемъ. Посему его
Мы изъ верховнаго совѣта молотильщиковъ
Всевысочайше увольняемъ! О!

Антонъ. Согласенъ съ вами я вполнѣ, согласенъ;
Налейте мнѣ, о, ради Бога, чаю!

Бродяга. Могу ли я, ничтожный червь земли
Эсеръ прескромный и весьма ничтожный
Дерзнути на этакій великій подвигъ?

Отсюхнуть руки у меня! Языкъ къ гортани
Прилипнетъ и чума заѣсть меня!

Антонъ. А попать, о, сардинки, о, сеньоръ,
Вы любите!..

отточ. *(Входя в Зайцевы и Макса.)* Борода
Зайцева. Леночка!

Елена. Въра!

(Движение. Все здороваются. Женщины цѣлуются.)

Зайцева. Золотая моя! Какъ чувствуешь себя?

Елена. Върочка, милая, и ты здѣсь? Господи! Вотъ, гдѣ увидѣлись!

Зайцева. Ну, идемъ скорѣе къ намъ! У меня Васютка одинъ остался. И ночуешь, конечно, у насъ. Максъ! Подайте шубу, другъ мой, скорѣе.

Бродяга. Товарищъ Въра! Мы ее не отпустимъ! Мы уже стихами говорить стали.

Зайцева. Надно, Ефимушка, завтра договорите! Нѣть, какова Ленка! Какъ сидѣть на голову. Завтра товарищи, всѣ къ намъ! Боря, ты ешь чёмоданъ понесешь.

Максъ. Я же донесу. Тутъ легко!

Елена. Товарищи, вы извините меня. Господи, все у васъ родное, ласковое!

Бродяга. Мужъ товарища Въры, а ты оста-
вайся съ нами. Сардинки есть!

Зайцева. Конечно, Борька, ты здѣсь остал-
яешься. Ленечка родная, готова! Ну, идемъ.

Зайцевъ. Домой теперь все равно не пойду.
У нихъ столько разговоровъ будетъ, что все равно уснуть не дадутъ.

Зайцева. Надно, надно! Ну, пошли! Максикъ,
да не надо, мы сами!

Максъ. Да тутъ же тяжело!

Бродяга. Конечно, вамъ не донести. Пусть
Максъ доволокетъ!

Елена. До свиданья, товарищи!
Всъ. До свиданья, до завтра!
Зайцевъ. Завтра придемъ на съ водой разливать.
Зайцева. Надно, Борька, молчи ужъ!

(Максъ, Въра и Елена уходятъ)

Бродяга. Ну, вѣтъ нашего полку и прибыло!
Антонъ. Славная она....

Бродяга. (хочетъ): Нѣть, Антонъ то, Антонъ-
то! Тостъ говорилъ! Тургенева цитировалъ! Бо-
рисъ, чувствуешь? А? Никита? Туда-же на ста-
рости лѣтъ—“эмоціи” говорить! А? Ахъ, вы аспи-
ды, язви вѣсъ! Эмоціи вы этакія! Ахъ вы, лѣшие!
Стихами заговорили! А?

Антонъ. Самъ же началь.

Бродяга. Ахъ, черти полосатые! Сардинокъ
принесли! А? Антонъ! Гдѣ твоё сердце, язви тебя?
Подойди-ка, дыхни на меня! Готово! Влюбился!!

Конецъ 1 дѣйствія.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Лѣто.

Сцѣна некоторое время пуста. Входитъ Никита
и Староста, немною пьянѣ.

Староста. (продолжая разговоръ, об повышен-
но-озлобленномъ тонѣ). Не говори ты мнѣ, по-
жалуйста, этихъ твоихъ трезвыхъ деревянныхъ
словъ. Утѣшить ты меня, что ли, хочешь? Прочи-
тать лекцію о томъ, что ревность безнравственна?
Можетъ быть, літату на Карла Маркса приведешь?

Тамъ, братъ, обѣ этомъ ничего нѣтъ; Ревность съ точки зрѣнія материалистического толкованія исторіи еще не освѣщена. И не будетъ, братъ, освѣщена, не будетъ. Не научились еще люди дѣлать изъ живого сердца типографское клише.

Никита. Менѣ всего хочу я тебѣ утѣшать. Скучная исторія—утѣшать человѣка, да еще умнаго, взрослого человѣка. Я хочу тебя только заставить спокойно проанализировать фактъ. Въ концѣ концовъ, по моему, у тебѣ даже нѣтъ конкретныхъ оснований обвинять твою жену. Кто писалъ это письмо? Каючий-то сосѣдъ, случайный знакомый, у которого, Богъ знаетъ, можетъ быть, были какія нибудь гаденькія причины послорить тебя съ женой. Бываютъ такіе типы. По моему, это просто глупая попытка мистифицировать тебя...

Староста. Оставь. Ты ничего не знаешь. Ничего не знаешь... Ахъ, Никита, развѣ только это письмо? Развѣ ты ничего не замѣчалъ?

Никита. Конечно, я замѣчалъ, что ты съ некотораго времени стала какой-то... колючій. Хмуришься... молчишь.. На вопросы отвѣчашь рѣзко.. Да вѣдь, это такъ понятно, Вацлавъ. Въ душѣ твоей тревога за семью, за любимыхъ людей..

Староста. Тревога? Нѣть, въ душѣ моей смерть. Какъ я ее любилъ! Прости, Никита, ты совсѣмъ не обязанъ быть моей наинкой и слушать мои изліянія... И глупо это все... Кому какое дѣло до моей любви? Ха! Видишъ, Никита, я уже потерялъ стыдъ... стыдъ обнаженности души. Развѣ

можно говорить чужому человѣку о своей любви къ женщинѣ? Пошлость. Глупо и пошло...

Никита. Странно ты разсуждаешь, товарищъ. Нужно считать любовь величайшимъ порокомъ, чтобы стыдиться говорить о ней. Любовь—здравое человѣческое чувство, вполнѣ законное, болѣе законное, чѣмъ...

Староста. Захлопни книгу, Никита. Зачѣмъ книжныя слова? Не любить ты и поэтому не понять тебѣ... А я, къ несчастью, любилъ. И вѣрилъ. И такъ радостно шелъ я сюда, зная, что каждый мой шагъ отдается въ ея сердце, что сердце ея янесу съ собою... единственное мое богатство... А маленькое, птичье сердечко моей малютки... Ты не быть отцомъ, Никита... и не будь имъ. Въ концѣ концовъ, это—пытка...

Никита. Вацлавъ...

Староста. Не говори. Слушай меня, если хочешь, а не хочешь—уйди... Я буду говорить съ собой. Лучшій товарищъ человѣку—онъ самъ. Никита, зналъ ли ты, что значить ожидать письма отъ любимой женщины? О, какое это сложное и красивое чувство. Ночи передъ почтовымъ днемъ! Сколько переживешь въ одну такую ночь... Тысячу разъ переживешь всю свою любовь. О! А заслышишь звонъ колокольчика—затрепещешь, замрешь, сердце заколитится, застучить, по тѣлу мурашки забѣгаютъ. И радостно и жутко. „Письмо отъ Ядвиги, письмо отъ Ядвиги“... И вотъ оно въ рукахъ. Милое, славное письмо! Какъ далеко ты залетѣлъ.. Ха-ха-ха! Ты что же, товарищъ, не

смѣешься? Смѣйся, старый честный журналистъ. Ты не знаешь, что уже четыре почтовыхъ дня не было „письма отъ Ядвиги“... Было другое письмо. Брать написалъ. А теперь вотъ и еще другое. Знакомый написалъ. Спасибо имъ. Дзенкую, панове! Ты говоришь, надо отнестись спокойно. Это—завтра. Это—потомъ. Когда заживетъ. Никита, вѣдь это ударъ въ спину. Предательскій ударъ. Почему она сама не написала? Вѣдь я такъ далеко, вѣдь мои упреки не долетѣли бы до нея, не воумутили бы ея новаго счастья. Нѣть, молча, изъ-за угла, изъ-подъ-тишка. Это нечестно. Боже мой! Развѣ я стала бы мѣшать ей? Развѣ я не понимаю, что можно разлюбить, позабыть... Но почему не сказать этого прямо, по товарищески? О, какъ это тяжело, Никита! А дѣтка моя? Гдѣ она теперь?

Никита. Вѣрю, дорогой мой, что тебѣ тяжело. Но надо смотрѣть на жизнь проще...

Староста. Проще? Когда собаку бьютъ—она визжитъ. Скажи ей, что надо къ побоемъ относиться проще. Это, молѣ, такъ, это не важно. Ты, молѣ, собака, проанализируй; посмотри на палку съ отвлеченной точки зрѣнія. Чудакъ ты, Никита! Мнѣ тяжело и больно, я готовъ визжать, а ты мнѣ говоришь, чтобы я излѣзъ на колокольню отвлеченностіи и взглянула на свое сердце глазами равнодушнаго посторонняго наблюдателя. По твоему, это просто, а я не могу. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Чѣмъ я теперь буду жить? Думалъ—вотъ скоро получу право жительства по губерніи, уѣду на

станцію куда-нибудь, стану работать, открою маленькую столярную мастерскую, выпишу семью. Снова начнемъ согласную мирную жизнь. Дочка будетъ расти на глазахъ... По вечерамъ будемъ читать... какъ прежде... Все къ чорту! Ну, для чего я буду теперь торчать здѣсь? Чтобы окончательно опуститься? Вѣдь уже лѣтъ огольковъ впереди, Никита. Ну, скажи, для чего теперь жить?

Никита. Ну, товарищъ, жить всегда есть для чего...

Староста. Для дѣла? Да вѣдь кляча я теперь, на что ягоденъ? Все у меня въ душѣ перевернуто, какъ въ чемоданѣ съ грязнымъ бѣльемъ. Никуда я не гожусь. Скверно я устроенъ. Отъ одного удара разлетѣлся къ чорту весь карточный домикъ моей мечты... Ну, и (*машетъ рукой.*)

Никита. Такъ раскиньтесь непростительно. Стыдно быть такимъ малодушнымъ.

Староста. А, ладно! Стыдно. Все равно! Все равно! Пусть. Наплевать на все. Удеру я куда нибудь подальше или буду, какъ Бродага, ходить по ссылкѣ и молотить чеддонамъ шпеницу. Счастливый человѣкъ—Бродага! Вотъ его такой ударъ не свалилъ бы съ ногъ. Онъ-бы только похорохотать лишний разъ...

Никита. Погоди, Вацлавъ, и ты еще посмѣешься. Рана твой, товарищъ, не смертельна. Заживетъ!

Староста. Только не отъ пластира твоихъ словесъ, братъ.

Никита. Я и не думаю. Предоставимъ собы-
тія ихъ теченью.

Староста. Отдадимся волѣ волнъ и понесутъ
они насъ въ воючее болото покоя. Такъ что ли?

Никита. Ну, болото можно пройти на вес-
лахъ. И выйти въ большую рѣку...

Староста. А оттуда въ океанъ.

Никита. Да. Хотя бы по пути и разбиться о
пороги.

Староста. Бррр. Я, братъ, теперь, кажется,
стать бояться холодной воды.

Никита. Пустыки, это только кажется.

Староста. А ладно, все это чепуха! Пья-
нымъ, что ли напиться? (Подходитъ къ портрету
женен). Ядвига! За что? Никита, помнишь съ ка-
кимъ благовѣніемъ дѣлалъ я эту рамку? Вѣдь
это поэма. Взгляни! Развѣ не видно, что въ каж-
дой черточкѣ, въ каждомъ изгибѣ—часть моей
души? Вѣдь, вотъ, въ этой листинѣ вся моя тос-
ка, вся любовь моя. Это не рамка, это пѣснь люб-
ви моей; Никита... Помнишь, какъ я надѣй на-
сидѣлъ ночами? И нарочно уходилъ въ дальний
уголъ, чтобы вы не видѣли, какое восторженно
глупое было мое лицо. Минѣ казалось, что глаза
мои кричатъ о ней, что вокругъ меня сияю... А...
А она... въ это время... (Внезапно бросаетъ порт-
реть на полъ и топчетъ его). Вотъ! Какъ ты меня,
такъ и я! Тончи мое сердце, замѣя... Вотъ тебѣ...

Никита. Вацлавъ! Съ ума сошелъ! (Хватаетъ
его за плечи). Перестань дурить. (Подымаетъ пор-
третъ).

Староста. Въ печку его! Въ огонь!

Никита.. Оставь. Садь и сиди. Глупый, что
ты сдѣлалъ съ лицомъ твоей дочки.

Староста. Дочка? Дай, дай мнѣ. Дай! Малют-
ка моя! Птичка! Родная... (плачутъ). Прости...

Никита. Выпей вотъ воды, другъ. Ты бы
легъ, а? Я посижу съ тобою... Или пойдемъ побро-
димъ по лѣсу... Вацлавъ, товарищъ, ну полно...

Староста. Эхъ, Никита, Никита! Какъ все
это не хорошо. И больно.

Никита. Знаю, товарищъ. Ну, успокойся.
Можетъ быть, мнѣ уйти?

Староста. Нѣть, нѣть, ради Бога. Пойдемъ
куда-нибудь. Никита, если-бы достать водки? За-
бѣться бы...

Никита. Я самъ хотѣлъ предложить. Лучше
увѣро, напиться тебѣ... Пойдемъ въ лѣст,
сидѣмъ и будемъ пить...

Староста. Глупо... глупо...

Никита. Пустыки. Идем. Лучше будетъ...

Староста. Какъ будто все это во снѣ. Ты не
смѣйся надо мнѣ, Никита.

Никита. Вотъ чудакъ. Нашель смѣшной сю-
жетъ!

Староста. Идемъ.

Никита. А портретъ оставь. Дай, я его спрячу.

Староста. Возьми. Только не потеряй. Не
потеряй...

Никита. Нѣть, нѣть, не беспокойся. Ну, идемъ,
товарищъ.

Уходятъ. Этими възвѣсивъ опѣлки на ру-

(Сцена некоторое время пуста).

Входит Макс. берет балалайку. Кричит в окно: Товарищ Вера, их дома нет!

Голос Зайцевой. Куда же они делись?
Макс. Всё походили.

Голос Вориса. Ладно, идем бывших. Может быть, у нее встретимся. Идем, Макс Балалайку возьми.

Макс. Всяль.

Уходит. Сцена пуста.

Входит Бродяга с сумкой за плечами и посохом в руках.

Бродяга. Друзья и братья! Раскройте бедному Ефиму вы обьятъ... Я счова... Э, да тутъ ип-
кого нетъ. Жаль, пропал хороший монолог. Ну, лѣшій съ ними. Верстакъ, столы—все по старому.
Значить, здесь продолжаютъ жить. А если такъ,
то мы заложимъ, пока что, снать 50 верстъ—не
фунтъ кедровыхъ ореховъ. Хлѣбца бы посыпать,
да небось у нихъ сегодня не стряпали. Ну ка, су-
мочка, слазь съ хребта. Будеть тебѣ на мнѣ юзить,
надоѣла ты мнѣ, анафема. А тебя, Иванъ Иваныч
(посоху)—вотъ сюда въ уголокъ поставимъ. Отдо-
хни, товарищъ. (Разстилаетъ въ углу за печкой халатъ и ложится). О-хо хо! Ну, спокойной ночи,
Иванъ Иванычъ

Тихо. Засыпаетъ.

Стремительно вѣнчаетъ Макс. Схватываетъ

чайникъ, несетъ къ двери, но замыкаетъ спящаго
Бродягу и останавливается.

Макс. Это кто? (Подходитъ) Ефимъ? Ты когда приходилъ?

Бродяга. (Сонно). Уйди!

Макс. Ефимъ! А у насъ въ яблу чай пить. Всѣ тамъ. Идемъ!

Бродяга. Уйди. Задушу!

Макс. Товарищъ Вера стихи говоритъ. Весело. Пѣсни будемъ пѣть. (Бродяга хватаетъ подвернувшійся подъ руку вѣнокъ и запускаетъ имъ въ Макса).

Макс. Ну, пу, ухожу. (Уходитъ. Но изъ спины возвращается, осторожно подходитъ къ Бродягу и накрываетъ его своимъ одѣяломъ. Уходитъ).

Сцена пуста. Доносится пѣсня.

Спустя некоторое время входятъ Антонъ и Елена.

Елена. Ну, продолжайте. Дальше что было?

Антонъ. Дальше? Ничего. Точка.

Елена. Этимъ и кончается вашъ романъ?

Антонъ. Увы! Къ несчастью, это все.

Елена. Такъ вы и сейчасъ не знаете, кто была она?

Антонъ. Никакого представлѣнія не имѣю.

Елена. Охъ, не вѣрится, сеньоръ Антонъ.

Антонъ. Повѣрьте, о, сеньора. Я даже лица

ея не разсмотрѣлъ.

Елена. Быдто-бы?

Антонъ. Ей Богу. Вѣдь я же сидѣть за решеткой на скамье подсудимыхъ, а она на самой

задней скамьи для публики. Кроме того, вечеръ былъ, смеркалось уже... Только и разсмотрѣть волосы. Чёрные, подстриженные, до нол...

Елена. Боже мой, какая очаровательная завязка. Сумракъ... залъ суда... строгія лица инквизиторовъ... жестокій прокуроръ готовить пламенную рѣчъ... молодой государственный преступникъ, окруженный конвойными... публики нѣтъ... и только тамъ, въ полумракѣ, неизвѣстная девушка съ чёрными кудрями, безнадежно влюбленная...

Антонъ. Къ сожалѣнію, послѣднее не совсѣмъ достовѣрно.

Елена. А если-бы было вполнѣ достовѣрно?

Антонъ. По существу, какъ говорятъ Никита, дѣло-бы, конечно, не измѣнилось. Но—лестно, все-таки...

Елена. Несчастная девушка съ чёрными кудрями. И это—ея герой. „Лестно, все таки“. Вотъ какъ оцѣнили ея самоотверженную любовь, которая свела ее въ преждевременную могилу.

Антонъ. Ужъ и въ могилу?

Елена. Да, въ могилу, о, жестокій человѣкъ. Она умерла отъ слезъ. Она утонула въ слезахъ. Когда убитые горемъ родители пришли въ ея комнату, она уже была мертвa и грустно прошептала: „Въ смерти моей прошу винить государственного преступника Антона“.

Антонъ. О, горе мнѣ! О, если бы я былъ тамъ! Я бы бросился за нею вплавь.

Елена. О, нѣтъ! Вы-бы сначала искали лодку.

Антонъ. Вы думаете? Пожалуй, действительно. Въ крайнемъ случаѣ наскоро снять бы ворота и на нихъ, какъ на плоту, отважно бросился бы въ водоворотъ ея слезъ.

Елена. Къ несчастью, вы этого не сдѣлали.

Антонъ. Горе мнѣ. Я этого не сдѣлалъ.

Елена. И она умерла.

Антонъ. Во цветѣ лѣтъ.

Елена. Такова судьба всѣхъ девушки съ чёрными кудрями, влюбленныхъ въ государственныхъ преступниковъ.

Антонъ. А со светлыми?

Елена. Ихъ судьба еще ужаснѣе.

Антонъ. Они... тонутъ дважды?

Елена. Нѣтъ, еще ужаснѣе.

Антонъ. Трижды? Глохнуть? Сгинуть?

Елена. О, нѣтъ, еще и еще ужаснѣе.

Антонъ. Боже мой, у нихъ отнимается языкъ?

Елена. Почти столь-же ужасно: они...

Антонъ. Они?...

Елена. Они стараются разлюбить государ-

ственнаго преступника.

Антонъ. Но—увы—безуспѣшно.

Елена. Но—увы—весьма успѣшно.

Антонъ. Боже мой! Такъ, значитъ, и та девушка, которая принесла мнѣ въ тюрьму подонка...

Елена. Какъ? Вамъ носили цветы...

Антонъ. Разъ. Только одинъ разъ.

Елена. О, товарищъ Антонъ! Вы...

Антонъ. Что—я?

Елена. Презрѣнныи вы и жестокій человѣкъ.
А у нея были свѣтлые волосы?

Антонѣ. Какъ у товарища Елены.

Елена. Несчастная товарищъ Елена! Завтра же товарищъ Елена перекрасить волосы.

Антонѣ. Въ черный цветъ?

Елена. Въ ярко голубой.

Антонѣ. Лучше въ ярко-красный.

Елена. Прошу не шутить съ такими вещами.
Ну, продолжайте: она принесла вамъ цветы...

Антонѣ. Подсѣжники.

Елена. Она пришла къ вамъ на свиданіе въ качествѣ невѣсты...

Антонѣ. Сестры...

Елена. Свиданіе было личное...

Антонѣ. Въ конторѣ.

Елена. Вы... поцѣловались...

Антонѣ. Одинъ только разъ.

Елена. Неправда!

Антонѣ. Два раза.

Елена. Неправда!

Антонѣ. Три раза.

Елена. Врете!

Антонѣ. Неужели? Но четвертый разъ было такъ себѣ. Наскоро. Когда конвойный отвернулся...

Елена. Все равно, считается.

Антонѣ. Ну, тогда надо считать пять разъ.

Елена. Шесть?

Антонѣ. Нѣть, пять. Я-же лучше знаю,

Елена. Она была хорошенькая...

Антонѣ. Мм...э...

Елена. Безобразная? Длинноносая, губастая ...

Антонѣ. О, нѣть, она была очень... симпатичная.

Елена. Ну, конечно!

Антонѣ. Симпатична, право!

Елена. Повторите еще разъ.

Антонѣ. Не повторю.

Елена. Сколько разъ приносила она вамъ цветы?

Антонѣ. Только один разъ.

Елена. Не вѣрю!

Антонѣ. Что это, допросъ?

Елена. Да допросъ.

Антонѣ. На какомъ-же основаніи?

Елена. Должна-же я слѣдить за вашею нравственностью.

Антонѣ. Въ качествѣ кого-же?

Елена. Въ качествѣ тетки вашего отца.

Антонѣ. Не признаю такихъ опекуновъ.

Елена. Ну, въ качествѣ бабушки.

Антонѣ. Признаю только одну степень родства.

Елена. Сестру?

Антонѣ. Совершенно вѣрно.

Елена. Что бы цѣловаться?. А-а, наконецъ-то смущился, безстыжіе глаза! У-у, идолъ, варваръ!

Антонѣ. Смутился? Чего миъ смущаться? Совѣсть у меня чиста

Елена. Будто бы?

Антонѣ. Если-бы...

Елена. Ну... .

Антонѣ. Если-бы не было на свѣтѣ молодо-

го государственного преступника Леонида...

Елена. Ну...

Антонб. Если бы этот Леонидъ былъ только сномъ, призракомъ...

Елена. Предположимъ, что Леонидъ больше не существуетъ.

Антонб. Къ несчастью, онъ существуетъ.

Елена. Увѣрю васть, что уже около полгода Леонидъ пересталъ существовать. По слухамъ, онъ оказался сномъ, призракомъ.

Антонб. Если бы эти слухи были правдой!

Елена. Ахъ, какой вы! Ну, даю вамъ слово, что Леонидъ въ одно прекрасное время вдругъ началъ таять... Онъ изъ снѣга, какъ снѣжный дѣль... Взашло солнышко, онъ и началъ таять...

Антонб. И разстаялъ?

Елена. До основанія! Только метла осталась! А на его мѣстѣ...

Антонб. Пустота?

Елена. Представьте, нѣтъ! Выросъ какой-то грибъ не грабъ, кустъ не кустъ, а такъ, что то вродѣ дубины стоеросовой...

Антонб. Дубина?

Елена. Я, впрочемъ, не увѣрила! Название какое-то странное... На „а“ начинается...

Антонб. Да неужели?

Елена. Право же... Какое-то смѣшное название... Аи... трактъ... Аи... тихристъ... А... (Простягиваетъ къ нему руки).

Антонб... тонъ? (Цѣлюются)

Елена. Аи...

Антонб. Леночка! Любишь?

Елена... тонъ. (Цѣлюются.)

Бродяга. Ну, слава Богу! Наконецъ-то задѣло взялись! А я всѣ бока пролежалъ, пока вы тутъ капитель разводили!

Антонб. Ефимъ? Что за чертъ? Откуда ты?

Бродяга. По обыкновенію, изъ-за печки.

Антонб. Чортушко, какъ напугалъ! Ну, давай поцѣлюемся!

Бродяга. Ишь, кажется, начинаетъ уже въ привычку входить. (Цѣлюются). Что, братъ, со мной не такъ интересно? Товарищъ Елена, вашу славную руку. Хорошіе вы оба ребятки, пѣшиѣ вы этакіе!

Елена. Безстыдникъ! Онь тутъ подсунувшись!

Бродяга. Да, вѣдь, вы сами меня разбудили. Я тутъ было вѣхрапнуть малость думагъ, а вы— цѣловаться! Ну, чего-же вы смутились? Вы, товарищи, извините, что я не во-время. Да, вѣдь, представьте и мое положеніе. Ей Богу, я же вѣдь не нарочно. Чортъ, кто бы могъ ожидать.

Елена. Ха-ха-ха! Ефимушка-то самъ больше всѣхъ смутился! Эхъ, вы! Ну, что же тутъ неловкаго? Мы любимъ другъ друга и поцѣловались. Хотите, еще поцѣлюемся?

Бродяга. Сколько угодно. Ничего тутъ неловкаго я не нахожу. Хотя, съ другой стороны, все же неловко... мнѣ неловко.

Елена. Ничего, привыкайте! Если сами не находите времени цѣловаться, такъ хоть на другихъ гладите!

Бродяга. Интересно, конечно! Увѣрю васъ, очень интересно!

Антонь. Ха-ха-ха! Нѣтъ, это чортовски занято! Это, кажется, только съ Бродягой и случается.. попасть въ такое положеніе.

Бродяга. А ты и радъ! Эхъ, ты, чучело! Чучело! Товарищъ Елена, и за что только вы пополучили такого безпутного юношу?

Елена. Онъ исправится...

(Бродяга, хохочетъ). Черты вы этакіе! Безстыжие ваши зенки! Ну, цѣлуйтесь скорѣе, легкомысленные ссылочно-поселенцы! Благословлю вѣсль... чѣмъ бы?.. образовъ то нѣтъ. Ага, вотъ! Ногъ, портретомъ Михайловскаго! Будьте счастливы, дѣти мои, и дай вамъ Богъ прыти, что бы скорѣе удрать отсюда. Да цѣлуйтесь же! Не стѣсняйтесь. Я отвернусь.

(Антонь и Елена, смеясь, цѣлуются).

Бродяга. Миръ и любовь!

Антонь. Ефимъ, знаешь ли ты, лохматая башка, какъ я счастливъ?

Бродяга. Чувствую и цѣню.

Антонь. Ну, отвернись еще разъ!

Бродяга. Ты теперь радъ меня замучить. Отвернись да отвѣрнись!

(Вѣляетъ Максѣ, очень разстроенный).

Максѣ. Товарищи, какой стыдъ! Какъ это нехорошо! Господи, онъ съ ума сошелъ!

Всѣ. Что? Что такое?

Максѣ. Староста! Вацлавъ! Напился пьяный, какъ нельзя! И оскорбилъ товарища Вѣру!

Бродяга. Какъ оскорбилъ? Что ты мелешь?

Максѣ. Онъ-же совсѣмъ пьяный! Какъ сумасшедшій! И такія нехорошія слова! Я его больше

не уважаю! Онъ-хулиганъ!

Бродяга. Да расскажи толкомъ!

Максѣ. Оставь меня, я не могу! Его Никита сейчасъ приведеть. Стыдно! Такъ нельзя оскорблять женщину! Я его... ударю... Я его на дуаль вызову...

Бродяга. Вотъ, вотъ! Деритесь на топорахъ, за неимѣніемъ пистолетовъ. Я секундантомъ буду.

Максѣ. Ахъ, Ефимъ, ты все высмѣиваешь. У тебя сердца нѣтъ. Ты не можешь понять...

Елена. Максъ, успокойтесь.

Максѣ. Товарищъ Елена, и вы уходите, онъ и вѣсль оскорбить. Онъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Я такихъ людей не видалъ. Вотъ онъ идетъ. Хулиганъ! Сумасшедшій!

(Входитъ Никита и Вацлавъ, послѣдній сильно пьянъ. Молча входитъ, урюмо глядитъ на всѣхъ и тяжело опускается на койку).

Вацлавъ. Здравствуй, Бродяга!

Бродяга. Здорово, братъ! Что-то ты, товарищъ, кажись не того...

Вацлавъ. Я, Ефимъ, теперь тоже бродяжить пойду! Какъ ты! Все къ чорту!

(Никита съ Еленою и Антономъ отходятъ въ сторону. Никита шепотомъ разсказываетъ имъ).

Бродяга. Пойдемъ, братъ, дѣло хорошее! А ты что-то натворилъ?

Вацлавъ. Не твое дѣло! Къ чорту!

Бродяга. Ну, спасибо!

Максѣ. Сумасшедшій!

Вацлав. А, ты здѣсь, Максимъ? Воздыхатель несчастный! Какъ твоя платоническая любовь? Плюнь, братъ, вѣтъ они...

Макс. Молчи! Пьяница!

Вацлав. Что? Ты на меня кричать? Щенокъ!

Макс. А ты собака! Бѣзумецъ!

Вацлав. Я — собака? А? Ах, ты... жидюга...

Бродяга. (Сильно стукнувъ рукой по столу). Стыдно!

(Паузатижея).

Вацлав, (почувствовавъ). Стыдно! Стыдно! Бродяга, ударь меня! Ударь!

Бродяга. Я братъ, трудной работы иначе избѣгаю. И что за хамство — ударь. Я тебѣ слишкомъ уважаю, Вацлавъ. Пьянъ ты, вотъ и дуришь. Проси у Макса извиненія. Максъ, иди сюда! Черти вы этакіе!

Вацлав. Максъ..

Макс. Вацлавъ, меня ты, какъ хочешь. Раз вѣ и на тебѣ сержусь? Даже совсѣмъ не сержусь!

Бродяга. Ну, поѣдуйтесь! Все равно, нынче ужъ день такой!

Вацлав. Прости, Максимъ, и позабудь!

Макс. Да развѣ-жть... Я тебѣ люблю и уважаю. Только ты товарища Вѣру оскорбилъ!

Вацлав. Да... Подло... Стыдно... Пойдемъ, я буду просить у нея прощеніе...

Макс. Конечно, пойдемъ! Пойдемъ!

Бродяга. Ладно, товарищи! Ходить тебѣ, Вацлавъ, не надо. Что толку, что тебя лишний разъ

человѣкъ пьяного увидать. Мы попросимъ прйтти сюда товарища Вѣру. Она — чуткая, она пойметъ.

Макс. Я сейчасъ, схожу. (Уходитъ).

Никита. Не лучше ли до завтра, Ефимъ?

Бродяга. Нѣтъ, сейчасъ лучше. Для чего имъ обомъ страдать до завтра. Чѣмъ поскорѣе они забудутъ эту нелѣпницу, тѣмъ лучше.

Вацлав. Товарищи, простиთе, пожалуйста! Больше этого не будетъ! Миѣ слишкомъ тяжело было. Думалъ забыться.

Бродяга. Вотъ скверная привычка — убѣгать отъ самого себя! Да еще куда — въ бутылку!

Никита. Нелѣпо все это вышло. Я не успѣлъ и сообразить...

Бродяга. Не надо было давать ему водки. Старый ты человѣкъ, Никита, а не сообразилъ. Самъ то, небось, не пиль.

Никита. Я никогда не пиль. Но понять тѣхъ, кто пьеть или想要 пить — можно. Особенно въ нашемъ положеніи. Вы посмотрите, отовсюду почти идутъ слухи, что наши пьють и здорово пьють. Я радъ, что наша коммуна въ этомъ отношеніи безупречна.

Бродяга. Кромѣ некоторыхъ случаевъ.

Никита. Какъ исключеніе...

(Пауза).

Бродяга. Да, дѣла! И высматриваю не дали!

Антонъ. Надолго въ наши мѣста, Ефимъ?

Бродяга. Да хоть завтра сбѣгу. Чепуха у васъ какая то начиняется.

Никита. Это несчастная случайность, братъ, отъ которой никто не застрахованъ.

Бродяга. Поживемъ—увидимъ... Товарищъ Вѣра? Ну, и хорошо!

(Входятъ Максѣ и Вѣра).

Бродяга. Товарищъ Вѣра—ахъ, мы еще не здоровались,—это я вѣсъ пригласилъ. Думаю, что для вѣсъ не трудно понять, что произошла какаѣтъ глупость и Вацлавъ въ ней стократно раскаивается.

Вацлавъ. Товарищъ Вѣра...

Вѣра. Товарищъ Вацлавъ, будемъ опять друзьями! Ничего! Все это пустаки! Я вѣсъ по-прежнему уважаю!

Вацлавъ. Спасибо, Вѣра, поймите, что это вырвалось какъ-то такъ...

Вѣра. Надно, надно! Не мучьте себя изъ-за этого. Я все знаю...

Вацлавъ. Знаете? Ну? вотъ...

Вѣра. Лягте, товарищъ, спите. Ничего, все это уляжется, все выяснится. Ложитесь, милый, забудьте все...

Вацлавъ. Спасибо! Спасибо! Можно поцѣловать вашу руку?

Вѣра. Я вѣсъ сама поцѣлую! Ну, спите! Милый вы, хорошій! Товарищи, пойдемте ко мнѣ, а онъ пусть уснетъ.

Вацлавъ. Спасибо всѣмъ. Бродяга, останься.

Бродяга. Надно, я останусь.

(Бѣль, кроинъ Вацлава и Бродяги, уходитъ).

Вацлавъ. Бродяга, тяжело жить...

Бродяга, (ладя ею по головѣ), сини, товарищи!

Конецъ II-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Прошло еще около 2 мѣсяцевъ. Сентябрь. Та же изба. Почтовый день. Староста упхалъ. На сценѣ Никита, Антонъ, Максѣ, потомъ оба Зайцевы.

Никита читаетъ газету. Максѣ и Антонъ—письма.

Входятъ Зайцевы.

Борисъ. Коммунѣ привѣтъ!

(Здороваются.)

Вѣра. Ну, выкладывайте новости. Живо! Батюшки, сколько у нихъ писемъ! Вотъ счастливые то. Ну, живѣй дѣлитесь умственной пищей с алчущими и жаждущими!

Максѣ. Отъ Вацлава получилъ письмо. Пишеть, что доѣхать совсѣмъ благопріятно. Вамъ всѣмъ пожимаетъ руки.

Борисъ. Ну, и слава Богу. Откуда пишеть?

Максѣ. Со станціи. Пишеть, что когда вновь увидѣть паровозъ и что нефтью пахнетъ,—такъ чуть не расплакался. Въ сердцѣ колотъ начало. Ароматъ культуры,—какъ онъ пишеть. Теперь уже навѣрно далеко.

Борисъ. А онъ куда намѣренъ податься?

Максѣ. Пишеть, что домой раздумалъѣхать.

Въра. Воть и хорошо. Я боялась, что драма у него будетъ дома...

Борисъ. Да и смысла нѣть лѣтъ прямо въ пасть львиюю. Дома его всяка собака знаетъ, сейчасъ же спасаютъ.

Максъ. Кажется, въ Одессу онъ хочетъ. Я ему авки дать.

Антонъ. Кстати, товарищи, разъ уже заговорили о побѣгѣ Вацлава, то надо намъ знать и кое-какія подробности. Я самъ узналъ случайно. Максъ проговорился.

Максъ. Антонъ, да оставь пожалуйста. И совсѣмъ это не интересно.

Антонъ. Ладно, ты ужъ молчи. Знаете, товарищи, на какія средства уѣхалъ Вацлавъ?

Максъ. Товарищъ Антонъ, я прошу тебя...

Борисъ. А въ чёмъ дѣло?

Антонъ. Вѣдь это Максъ далъ деньги Вацлаву.

Максъ. Ну, вотъ, теперь пошелъ...

Антонъ. Оказывается, Максъ писалъ домой, чтобы ему выслали сто рублей. Выслали. Максъ никому ни слова. На хитрость пустился. Уговорилъ почтаря: если, молъ, будешь ни мое имя пересыпка, такъ ты о ней никому не говори, а передай мнѣ, какънибудь тайкомъ. Понимаете, это ужъ въ прямой ущербъ своей репутаци. Почтарь ужъ въ прямой ущербъ своей репутаци. Почтарь до сихъ порь еще вѣрить, что Максъ получила деньги и скрываетъ отъ насъ, чтобы не вносить въ коммунальную кассу. Ей-Богу, вчера почтарь мнѣ прямо такъ и говоритъ: Онъ, молъ, жадный, мнѣ прямо получать, и зажилъ, а товарищамъ не

дастъ. Теперь по деревнѣ о Максѣ вѣсъ сороки стрекочутъ. А онъ эти деньги передалъ Вацлаву и уломалъ его бѣжать. Тотъ, конечно, упрямился но Максъ, если захочетъ, можетъ быть тонкимъ дипломатомъ. И главное, никому ни слова. Вацлавъ при отѣзѣдѣ на что-то намекалъ, но Максъ, помню, что-то тогда на него окрысился. Я до послѣдняго времени думалъ, что они разстались немножко какъ то враждебно. А тутъ просто Максъ изъ скромности, чтобы не проговориться. Каковъ?

Въра. Максъ, вѣрио?

Максъ. Ну, и что-жъ?

Въра. Дайте вашу руку. (*Рукопожатіе*).

Борисъ. Максъ, это по-товарищески. Руку!

Антонъ. Я, когда узналъ, призваться, немножко даже устыдился. Вѣдь Вацлавъ такъ страдаль, такъ томился здѣсъ, что и слѣпой бы замѣтилъ. И ни у кого изъ насъ не хватило догадки устроить ему побѣгъ. Стоило бы написать въ организацію, деньги были бы. Наконецъ, Никита изъ „Радуги“ могъ бы достать. И только Максъ былъ настолько чутокъ, что...

Максъ. Ладно, ты лучше прочитай, что изъ Червянки пишутъ. Оказывается, Луциковъ...

Никита. Я добавлю, что поступокъ Макса еще болѣе становится трогательнымъ, если вспомнить, что онъ самъ уже началъ харкать кровью...

Въра. Какъ Максъ, правда?

Максъ. Глупости. Только два раза. Это оттого, что я простудился немножко...

Антонъ. Понимаете, товарищи, онъ просту-

дился! Въ юль мѣсяцъ, при 30 градусовой жарѣ!

Максѣ. А помнишь, я тогда искупался... Вотъ...
Вѣра. Максѣ, милый, зачѣмъ вы отираетесь?

Ваше лицо выдаетъ васъ. Скажите—правда?

Максѣ. Товарищъ Вѣра, никакой правды...
Все они выдумали...

Никита. Мы съ Антономъ рѣшили, что Максу
надоѣдать. Деньги скоро получимъ...

Вѣра. Конечно, конечно. Куда нибудь на
югъ, на Кавказъ.

Никита. Въ Баку или въ Тифлісъ. У насъ
есть хорошія лавки...

Борисѣ. Я могу дать лавку въ Сочи. Тамъ
спокойно можно устроиться...

Максѣ. Никуда я не поѣду. Все вы выду-
мыаете.

Антонѣ. Поѣдешь. Насильно увеземъ, какъ
спящую красавицу...

Борисѣ. Обязательно надо уѣзжать...

Вѣра. Максѣ, дайте мнѣ слово, что уѣдете.

Никита. Уѣдетъ, уѣдетъ.

Вѣра. Слово, слово, Максѣ!

Антонѣ. Максимъ, не упрямься.

Вѣра. Я не отстану, пока не дадите слово.

Максѣ. Всѣ вы... сумасшедши... (убыгаетъ).

Никита. Уѣдетъ, мы настоимъ. Дольше здѣсь
оставаться ему нельзя. Вѣрный туберкулезъ...

Вѣра. Да это же видно съ первого взгляда.
А какой онъ, товарищи, славный человѣкъ.

Никита. Кристальный человѣкъ.

Антонѣ. Когда я сказалъ объ его поступкѣ

Еленѣ, она пришла и поцѣловала его...

Борисѣ. И ты не ревновала?

Антонѣ. Глупо, товарищъ Борисѣ.

Вѣра. Если нужно, я могу достать денегъ.
Миѣ вышлютъ.

Никита. Деньги скоро будутъ. Я написалъ
въ „Радугу“.

Антонѣ. Недѣли черезъ двѣ будутъ. Я уже
и имѣшка присмотрѣлъ. Надежный парень.

Вѣра. Да-а... Ахъ Максикъ, Максикъ...

Антонѣ. Это дѣло мы устроимъ. Товарищи,
еще вотъ что. Отъ червінскій коммуны получено
увѣдомленіе, что Лущиковъ объявленъ подъ бой,
который...

Борисѣ. Это за что-же?

Антонѣ. Подробности объщають прислать,
а пока кратко пишутъ, что въ компаний съ двумя
уголовными готовили экспроприацію у торговца.
Одинъ изъ уголовныхъ въ пьяномъ видѣ пробол-
тался...

Борисѣ. Ну, это еще не резонъ. Мало-ли что
уголовный можетъ наплести...

Никита. Фактъ установленъ. Разслѣдованіе
было.

Антонѣ. Лущиковъ самъ признался въ концѣ
концовъ.

Борисѣ. Чортъ знаетъ, что...

Никита. Колossalная пакость для всей есмы-
ки. Теперь пойдутъ разговоры, человѣки подхва-
тать... Начнутся косые взгляды, подозрительность.
И такъ, порой хоть въ петлю лѣзъ, а тутъ еще...

Въра. Ну, особенно скучать краски не сль-
дует. Въ семье не безъ урода. Не можемъ же
мы вѣсить ответственность за одного хулигана.

Никита. Надо знать психологію членовъ...
Вѣдь мы въ ихъ глазахъ до сихъ поръ еще загад-
ка. За что насть пригнали сюда? Вѣдь по ихъ
представленію, за хорошія дѣла въ Сибирь не ссы-
лаются. Не забывайте, что съ уголовной ссылкой
они давно уже знакомы, и имѣютъ о ней свое соб-
ственное мнѣніе. Натерпѣлись они отъ нея доволь-
но. Помните, Кирша разсказывалъ про самосудъ
надъ ссылочнымъ конокрадомъ? А мало-ли такихъ
случаевъ было по тайгѣ? Помните, какъ недовѣр-
чиво встрѣтили они и насть сначала? Помните эти
молчаливые визиты къ намъ въ кузницу? Мнѣ
потомъ признанались: думали, моль, что кузница
у васъ только для отвода глазъ; а вы не кузломъ
займутесь, а фальшивые деньги робите.

Въра. Фальшивомотчиковъ они тоже государ-
ственными называются...

Никита. Въ такихъ условіяхъ нашему брату
вѣчно надо быть на чеку. И слава Богу, за этотъ
годъ мы всетаки до нѣкоторой степени заставили
себя уважать...

Антонъ. Особенно послѣ того, какъ всю зиму
молотили для нихъ, кобылки точили, проруби
чистили... Могу сказать, что уваженіе членовъ
мнѣ досталось въ поть лица.

Никита. И достаточно одного неосторожного
шага, чтобы попасть въ фальшивое положеніе. А

для настъ фальшивое положеніе равносильно траге-
дии...

Борисъ. И все-же я не думаю, чтобы случай
съ Луциковымъ внесъ какія-либо недоразумѣнія
въ наши отношенія. Довѣре къ себѣ мы такъ или
иначе завоевали, ледѣ сломанъ. Правда, вѣсъ на-
шихъ попыткахъ заинтересовать ихъ нашими идеями
былъ безполезны, но, по правдѣ сказать, мы и не
особенно настойчивы были въ этомъ отношеніи...

Въра. Да тутъ, и почвы нѣть для этого. Тутъ
условія совсѣмъ иные...

Борисъ. Нельзя, конечно, сказать, что здѣш-
нее населеніе идетъ къ намъ съ открытой душой.
Извѣстный холодокъ, конечно, всегда какъ-то чув-
ствуется. Но интеллигенція наша и тамъ, въ цен-
трахъ движений, до сихъ поръ не можетъ вrosti
въ народъ такъ крѣпко, чтобы раствориться въ
немъ, такъ сказать, химически. Наше движеніе
всегда было кандидатомъ отдельныхъ группъ,
даже отдельныхъ личностей. Мы—какъ васильки
въ огромномъ ржаномъ полѣ... Мы, интеллиген-
ция, не можемъ не выдѣляться изъ общаго фона
уже въ силу самой своей интеллигентской сущ-
ности...

Антонъ. Позволь, товарищъ, мы сей часъ го-
воримъ не о роли интеллигенціи въ движениі, а
насколько мнѣ помнится, обсуждаемъ маленький
конкретный фактъ совсѣмъ изъ другой оперы.
Какъ реагировать на письмо червянской коммуны?

Борисъ. Да о чёмъ тутъ толковать? Разъ до-
вѣрено хулиганство, разъ оно установлено,—пре-

кратить съ хулиганами всякия отношения. Бойкотъ и кончен! Присоединиться къ миѣнию червянскихъ товарищей. Вотъ мое миѣниe.

Никита. Конечно, тутъ двухъ решений быть не можетъ. Но меня этотъ фактъ пугаетъ съ принципиальной стороны, какъ первый признакъ начинающагося разложения ссылки. Да первый ли? Онь только ярче другихъ, а кое-что и раньше было. Помните, Бродага рассказывалъ, какъ въ той-же Червянкѣ на маекѣ одинъ товарищъ другому разбилъ голову прикладомъ ружья? А прошлого года случай съ Подбѣльскимъ?— покушение на кражу денегъ у товарища? А провокаторство Межевого? Да мало ли еще что? Все это, конечно, мелкая семейная дрягаги, во они уже вынесены на улицу, и служатъ соблазномъ для малодушныхъ. А малодушныхъ много...

Борисъ. Героические времена ссылки уже прошли.

Никита. Я уже третій разъ въ ссылкѣ и откровенно скажу, что въ четвертый разъ предпослѣдній бы тюрьму. Ибо въ четвертый разъ, и уверень, застану здѣсь не только покушенія на кражи, но форменную уголовщину. Уже и сейчасъ въ ссылку падутъ очень подозрительные типы. Укажу на того-же Луцикова. Я увѣренъ, что онъ къ движению абсолютно непричастенъ, а попасть по недоразумѣнію, какъ некрасовскій Титъ. Но Титъ кончить праведникомъ, а Луциковъ, боюсь, кончить катаргой. Плакать о немъ, конечно, едва-ли кто будетъ, но фактъ останется фактомъ: полити-

ческій ссылочный попался въ уголовницѣ. Это уже предыдентъ для другихъ Луциковыхъ. А ихъ, и уверенъ, скоро здѣсь будетъ добралъ пригоршка. Ибо есть вполнѣ резонный разсчетъ послать ихъ въ арестантскія роты, а сюда, чтобы дезорганизовать ссылку и лишить ее морального авторитета. Не надо послать сюда ни шпионъ, ни провокаторовъ послать десятокъ другой Луциковыхъ, такихъ—нибудь сутенеровъ или даже воровъ, подъ видомъ политическихъ—они въ два года опоганятъ всю ссылку окончательно. Вотъ что меня пугаетъ въ дѣлѣ этого несчастнаго Луцикова.

Антонъ. Что—же по твоему, надо дѣлать?

Никита. А вотъ, скажи мнѣ, что надо дѣлать?

Антонъ. Удирать...

Никита. Это, конечно, всего проще.

Борисъ. Я тоже не вижу иного выхода.

Никита. Съ моей точки зрѣнія, съ точки зренія сохраненія бывшаго—увы, уже бывшаго, товарищи, авторитета ссылки, я не остановился бы даже передъ крутыми мѣрами. Я предложилъ бы всякому новому ссылочному производить строгий экзаменъ, установить, прежде всего, его идеиній и моральный цензъ и уже только потомъ принимать въ свою среду. А провалившихся—объявлять неполитическими.

Борисъ. Резонно. А не лучше-ли всѣхъ настоящихъ политиковъ помѣстить въ стеклянную банку и повѣсить этикетку: „Осторожно. Просят руками не трогать.“

Никита. Тебѣ смѣшно, а для меня это цѣлая

проблемма. Даже съ личной стороны. У меня все мое достоиніе—мое имя и моя репутація. И если не принимать мѣръ противъ Лущиковыхъ—эта репутація очень скоро будетъ измазана дегтемъ. Единственная свѣтлая страна ссылкой жизни—сознаніе, что ты продолжаешь оставаться честнымъ человѣкомъ, какъ въ своихъ глазахъ, такъ и во мнѣніи окружающихъ. Какъ ни грубъ, какъ ни невѣжественъ членъ, пусть онъ съ привеликимъ трудомъ отличаетъ черное отъ бѣлого, но его уваженіемъ я не могу не дорожить. Пусть въ понятіяхъ добра и зла онъ ориентируется только при помощи слѣпого инстинкта,—для меня это не безразлично, какъ этотъ слѣпой инстинктъ реагируетъ на мою личность. Тутъ не шкурный вопросъ, не соображенія материального характера. Для меня членъ—объектъ для идеиной работы. Пусть маленькой, незамѣтной, но работы. Мы вотъ съ Антономъ выучили кое-какъ читать семерыхъ ребятишекъ—это уже плосъ. Вотъ на будущую весну Кирша посѣть клеверъ—это наша микроскопическая заслуга. Наши разговоры о болѣе рапортальномъ сбыть пушнины тоже, надѣюсь, не пропадутъ даромъ. Но какъ-бы я сталъ говорить съ Киршой о разныхъ разностяхъ, если—бы знать, что онъ на меня смотрить какъ на бывшаго мошенника и будущаго прохвоста.. И ему про клеверъ, а онъ въ это время соображаетъ, что отъ меня нужно лошадей покрѣпче напирать. А Лущиковыхъ ведутъ именно къ этому, къ тому, что отъ

насъ лошадей хоронить будуть. Не желаѣ-бы я дожить до этого.

Борисъ. Ты слишкомъ далеко впередъ заглядываешь Никита.

Никита. Худо быть близорукимъ. Борисъ.

Борисъ. Конечно. Но надо учесть и то еще... Вѣдь нельзя же смотрѣть на всю ссылку, какъ на сплошную однородную массу. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ каждая отдѣльная личность имѣть своей удѣльный вѣсъ. И, конечно, члены прекрасно въ этомъ разбираются. Ты и Лущикова въ глазахъ хоти—бы того же Кирши и одно и тоже.

Никита. Въ глазахъ Кирши мы оба до извѣстной степени табули раса. Отъ насъ онъ всегда можетъ ожидать сюрпризовъ. Мы—чужіе, пришли совсѣмъ изъ иного міра и сами пришли, не по своей волѣ. Насъ сюда сослали, а спросите Киршу, за что? „А лѣшій ихъ знаетъ,—скажетъ онъ, что-то тамъ наработали.“ Въ концѣ концовъ ему даже не особенно интересно знать, что именно мы наработали тамъ, лишь бы здесь не грезили. За этотъ годъ Кирша не видалъ отъ насъ ничего ху-зого, стать намъ болѣе или менѣе вѣрить. А вѣрить на какойнибудь Лущиковой чтонибудь на-грезитъ. Кирша отъ насъ сразу какъ чортъ отъ ладана, убѣжитъ. Ибо всѣ мы пришли оттуда же и товарицами другъ друга зовемъ. Лущикова сегодня нагрезилъ, а паря Антонъ въ будущую пятницу.

Борисъ. Нѣть, я съ этимъ не соглашусь. Человѣкъ не такъ уже глупъ. О, онъ прекрасно разбирается въ вещахъ!

Никита. Всѧкъ я сейчасть иду къ Тимохѣ рамы въ новой избѣ отѣлывать. Разговоровъ у насть съ нимъ будеть пропасть. И про то рассказы, и про другое.. А украдетъ у Тимохи какой-нибудь Лущикогъ хомутъ, я не увѣренъ, что Тимоха меня къ себѣ на порогъ пустить.

Борисъ. Чепуха! Никогда я этому не повѣрю, Лущикова Тимоха въ тайгѣ потихоньку пристрѣлить, а тебѣ всегда въ кумовья пригласить.

Никита. Ну, я въ этомъ далеко не увѣренъ.. Впрочемъ, обѣ этомъ мы еще успѣмъ поговорить. Иду рамы отѣлывать. Антонъ, топоръ и въ сѣняхъ?

Антонъ. Макеъ имъ что-то тесаль въ сараѣ. Тамъ, должно бытъ.

Никита. Опять точить придется. (Уходитъ).

Борисъ. Нервничаете вы всѣ, други мои. Мерещится вамъ чепуха какая то. Никитѣ-то тоже надо-бы чемоданы укладывать...

Вѣра. Очень можно понять, что Никиту эта исторія глубоко волнуетъ. Старый идеалистъ.. Для него это ударъ.

Борисъ. Если на такие удары обращать вниманіе, весь вѣкъ въ синакахъ ходить будешь.

Антонъ. По твоему, значитъ, махнуть рукой? Написать на бумажкѣ: "Виредъ отъ сего числа считать товарища такого-то подлецомъ", и все? И успокойтесь?

Борисъ. А что-же, военно полевой судъ нарядить? Теба-бы прокуроромъ.

Антонъ. Я не о томъ говорю, какъ съ Луши-

ковымъ поступить, а какъ не допустить повтореніе такого случая?

Борисъ. Мой смиренный умъ,—увы—не дерзаетъ разрѣшить опную философскую проблемму.

Антонъ. „Моя хата съ краю“... такъ что-ли?

Борисъ. Съ краю не съ краю, а дѣлать изъ муhi слона, а изъ Лущикова Пашки—какого-то змѣя-горыныча о семидесяти головахъ, грозящаго пожрать прекрасную царевну,—смѣшишновато. Говорить, что воевать съ мельницами похвально, идеализмъ, моль, здѣсь, и всякия хорошести, а по мосму, преглупое это занятіе.

Антонъ. Конечно, сидѣть въ кельѣ подъ елью да нальцемъ въ носу ковырять—куда умнѣ...

Борисъ. Что жъ, и въ носу поковырять во благовременіи не бесполезно. При насморкѣ, напримѣръ, когда человѣку во всемъ скверный запахъ чувствуется.

Вѣра. Господи, какія изящныя аллегоріи вы употребляете!

Антонъ. Тутъ не въ аллегоріяхъ дѣло. У насть на глазахъ чортъ знаетъ, что происходитъ, а мы...

Борисъ. Что жъ мы?

Антонъ. Ничего. Въ носу ковыряемъ.

Борисъ. Дался тебѣ вость. Вотъ, подумаешь, какой нелегальный инструментъ!

Антонъ. Если человѣкъ дальше своего носа ничего не видитъ...

Борисъ. Что жъ, инсгда и это хорошо. Не всякия вещи пріятно тоже видѣть. Созерцать свойность, хотя и не строго классической, ей-Богу, лу-ч-

ше, чѣмъ чужую пустую голову, хотя бы и съ классической прическою.

Вѣра. Борыка, это еще что такое?

Антоній. Это его возражение. Глубоко продуманное...

Борисъ. Продуманное? Да тутъ и думать нечего, дѣло ясное.

Вѣра. Товарищъ мужъ, лишаю васъ слова. Товарищъ Антонъ, позовите съ вами распрошаться. Вы, пожалуй, скоро до драки доспоритесь.

Антоній. Ага! Струсили за своего благовѣрнаго.

Борисъ. Ну, братъ, и Елена едва ли обрадуется лишнимъ двумъ тремъ фонарямъ на твоей иконѣ.

Вѣра. Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ? Борыка, пши, штухъ!

Борисъ. Молчу, молчу. Ты то что? За меня пари-дѣвка, не бойся. И его такъ распироедачу. Ну-съ, милостивый государь, молите Бога, что жена не велитъ. До свиданья. Ждите секундантовъ.

Антоній. Да куда вы? Постойте. Я вамъ Бродаги чисто письмо прочту.

Вѣра. Письмо отъ Бродаги. Ну-те, ну-те...

Антоній. Опять сюда собирается.

Вѣра. Вотъ и хорошо. Съ нимъ веселей будетъ.

Борисъ. Товарищъ жена. Это что такое?

Вѣра. Ну, ладно, дорогой супругъ. Читайте Антона.

Антоній. (Читаетъ). Письмо, по обыкновенію, смѣшанное. Стихи и проза.

О, ты, къ кому душа Ефима,
Такою страстью палима.

Что жарче двадцати печей,—
Коммуна, свѣтъ моихъ очей.

С брѣговъ унылого Алюя
Тебѣ привѣтъ по почѣ шлю я,

Его конвертомъ закавивъ
И горючими слезми облини.

Узрѣши птица на конвертѣ,
Вы, о возлюбленные черти,

Арширомъ ихъ измѣрьте
И вѣрте,

Что я лежу при смерти.

Потому, что душу мою терзаеть тоска по ванилью камъ, по вашему кирпичному чаю и прочимъ присущимъ вамъ качествамъ. Ей-Богу, братцы, рожу я здесь по напіимъ, и такая пездѣ тосчища, что хоть въ урядники постучай! Публика между собой грызется, возводить другъ на другу разныи небылицы самаго нелѣнаго свойства. Вообще, создалась атмосфера какого то змѣинаго шипа и скрежета зубовнаго. Для меня это ножъ острый. И чего дѣлять люди? Правда, житъшико отваги-тельное, а кое-гдѣ даже форменная голодовка, поч-

дя для пакостнаго расположенія духа на лицо, но.. Впрочемъ, други мои, вамъ и самимъ все это вѣ-ломо и не буду я писать объ этой капители. Ско-ро заявлюсь къ вамъ, и, если не прогоните,—на-долго. Очистите мнѣ гдѣ нибудь уголокъ подъ печкой—и я буду доволенъ: много ли человѣку надо? Кстати (пожалуй и не кстати), но душа го-

ритъ, не могу молчать: я вѣдь литераторомъ сталъ, лѣшій меня задави! Братцы вы мои милые, прости-те-ли вы меня? Смертный грѣхъ принялъ я на душу: послать въ „Радугу“ стишки и—увы!—ихъ напечатали! Думали-ли вы читая вдохновенныя вирши пѣкоего Мильтіада въ № 54, что сіе изобразилъ азъ многогрѣшныи?

Вѣра. Какъ, это стихи Ефима?

Антонб. Представьте. А вѣдь стихи ничего?

Борисб. Какіе стихи?

Вѣра. А, помнишь, мы вмѣстѣ читали: „Орѣшниковъ румяные листы“....

Борисб. Чепуха какая—нибудь. Вообще, я стиховъ не признаю, кромѣ юмористическихъ.

Вѣра. Ладно, ладно, не начинай. Продолжай-те, Антонъ. И такъ, Бродига—поэтъ.

Антонб. Тepерь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: „Участъ моя рѣшена — я женюсь. „Женюсь на музѣ и въ приданое беру славу. Чертовски важная вещь и главное, такъ дешево стонть. Тepерь каждый вечеръ ловлю за хвостъ рифмы и распинаю ихъ на бумагѣ. Бумаги перепортилъ, други мои, преогромное коли-чество. Скоро придется писать на берестѣ.“...

Борисб. Вотъ это разумно. Такіе стихи и я признаю.

Антонб. На берестѣ?

Борисб. Конечно. Во-первыхъ, они не могутъ быть длинными, а во-вторыхъ—ими можно растопить печку. По моему, всякая редакція будетъ до-рожить такими стихами.

Вѣра. Мужъ мой, вы очень остроумны.

Борисб. Жена моя, не перебивай. И читатель.

Читатель непремѣнно прочтеть стихи, если подъ ними будетъ надпись: „Сіи стихи написаны на берестѣ“. А если еще къ тому же писать коно-пляннымъ масломъ или медвѣжьей кровью—каждый Иванъ Иванычъ наизусть заучить. Самые скверные стихи, написанные на берестѣ, или на рыбьемъ пузырѣ, могутъ расчитывать перейти въ потомство.

Антонб. Начни-ка, братъ, и ты! Версты я надеру тебѣ!

Борисб. Ты же согласенъ? Я тебѣ историче-скимъ примѣромъ докажу. Почему древніе евреи соблюдали менесеены заповѣди? Потому, что они были на камнѣ написаны. А теперь, когда они изо-брожены гражданскимъ алфавитомъ во всѣхъ хре-стоматіяхъ, кто ихъ соблюдаетъ? Что? Ну -ка, воз-рази!

Антонб. Гдѣ ужъ, что ужъ!

Борисб. То-то! Я уже не говорю о томъ, что всякое литературное произведение, написанное ви-лами на водѣ.....

Вѣра. Перестань, скоморохъ! Продолжайте, Антонъ!

Антонб. А рифмы, братцы, изъ меня такъ и лѣзутъ, такъ и пруть, какъ тараканы изъ-за печ-ки. Пруть и орутъ: „Меня возьми, мени, нѣть, мени“. Рычать, дерутся. Пока не скомандуешь имъ: „Смирно, чортъ насть возьми, по мѣстамъ“— ни одного порядочнаго четверостишія не изобра-

зинь. А прикинешь—ничего, присмирѣютъ, паникы такія.... Впрочемъ, довольно болтать. Привѣтъ всѣмъ: Никитѣ,—Вацлаву, Максу, Антону, Еленѣ, Зайцевымъ съ ихъ зайчатами—надѣюсь, что таковыхъ уже теперь штука восемь”.....

Вѣра. Тыфу, озорникъ!

Антонъ. „Къ зимѣ притащусь и самъ и на-
веду всему ревизію. Привѣтъ. Бредяга“

Борисъ. Неувѣвающій россіянинъ. Завидный
характеръ, ей Богу. Все?

Антонъ. Все.

Вѣра. Ну, памъ пора. Идемъ, супругъ. Захо-
дите, Антонъ, и Лену танците. Будемъ вечеромъ
въ шахматы играть.

Борисъ. А я въ ночь собираюся на рыбную
ловлю. Не составишь компанію?

Антонъ. Ты еще утопишь.

Борисъ. Не могу сказать—нетъ. Можетъ быть,
если вздумается.... Адью!

(Уходитъ.)

Антонъ. (Одинъ Ходитъ по комнатѣ, напиваючи.)

„Возьми барабанъ и не бойся,
Цѣлуй маркитантку звучней.
Вотъ смыслъ глаубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей“.....

(Входитъ Елена. Она очень встревожена).

Елена. Ты одинъ?

Антонъ. (радостно). Елена! Одинъ, одинъ!
(цѣлуєтъ руки).

Елена. Я тоже получила письмо. Прочти.

(Антонъ читаетъ. На лицѣ его изображает-
ся испугъ, недоумѣніе.)

Антонъ. Но... вѣдь, съ этимъ все кончено?

Елена. Да....

Антонъ. Даи чего же это письмо.

Елена. Милый, развѣ нельзя понять?

Антонъ. (урюло). Можно....

Елена. Ради Бога, давай поговоримъ, какъ
разумные люди. Не надо ни злости, ни ревности.
Поговоримъ по-товарищески.

Антонъ. Я слушаю, товарищъ Елена.

Елена. Если такъ, то... я все-равно уѣду.... Я
не могу не быть съ нимъ сейчасъ, пойми, Антонъ.

Антонъ. Да, я понимаю. Ты не можешь не
быть съ нимъ. Не можешь. Все, что было, это,
конечно, недоразумѣніе. Ошибка! Шутка!

Елена. Антонъ, я уйду. Съ тобой невозможно
говорить.

Антонъ. Да о чёмъ говорить, Лена? О чёмъ
говорить? Развѣ не все ясно? Поѣзжай...

Елена. Ясно? Для тебя все ясно? Да? Антон
милый, я не могу такъ. Ты долженъ, ты долженъ,
меня понять.

Антонъ пожимаетъ плечами.

Елена. Сядь сюда, Антонъ, слушай. Не надо,
чтобы между нами было что-нибудь недоговорен-
ное. Вѣдь, ты-же не знаешь Леонида, совсѣмъ не
знаешь. По рассказамъ товарищъ, по газетамъ—
да, ты знаешь Леонида, героя непреклоннаго бор-
ца. А онъ такъ много, такъ много страдалъ. Ты
знаешь „Льва революціи“, а не знаешь, какъ слабъ

и несчастенъ этотъ левъ. Вѣдь, онъ уже развалина. Онъ выгорѣлъ весь, до конца. Онъ глубоко несчастенъ. И моя любовь—развѣ это была любовь? Я была его матерью, сестрой, нинькой. Вѣдь онъ же—пойми, милый,—онъ всего себя принесъ въ жертву, всю жизнь, все, все... И если-бы не эти проклятныя условія жизни—его надо было бы отправить въ санаторію, на югъ, къ морю. А его въ каторгу. Развѣ это не смертный приговоръ? И это лицемѣріе—замѣна каторги ссылкой о, это только гнусное лицемѣріе! Ему осталось жить такъ немногого... Антонъ, милый. Развѣ онъ не имѣть права умереть радостно? Вѣдь онъ меня любить... и любить.. Вѣдь, если-бъ онъ могъ, если-бы у него была еще хоть капля силы, онъ пріѣхалъ бы сюда. Отъ не остановился бы въ Пежмѣ. Значить, онъ умираетъ. А приписка Иванова? „Скорѣе, если хотите застать въ живыхъ.“ Я не могу, неѣхать, пойми!

Антонъ Да, да... во, Лена...

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, не говори. Я знаю, что ты скажешь. Милый, милый, если бъ ты могъ понять... Если-бъ ты захотѣлъ понять. Вѣдь это-же не разлука, не разрывъ. Развѣ я разлюбила тебя? Развѣ я могу разлюбить? Принеси же маленькую жертву, маленькую, маленькую... Онъ имѣть право позвать меня къ себѣ въ послѣдній разъ. Онъ тамъ одинъ... безпомощный... жалкій... одинокій... И я должна пойти!

Антонъ Не вернешься...

Елена. Ахъ, почему ты не хочешь меня понять?

Антонъ. Я все, все понимаю. Лена, но я.. боюсь! Боюсь, что ты не вернешься..

Елена, Развѣ я могу не вернуться? Ахъ, Антонъ, неужели нужно говорить вслухъ эти жестокія слова? Неужели и безъ словъ не ясно? Вѣдь, я-же єду хоронить его. Хоронить!

Антонъ. Вотъ ты плачешь... Лена, я вѣрю, я хочу вѣрить, все ясно, я все понимаю...

Елена. Если бъ ты захотѣлъ повѣрить. Говорить, у любви зоркіе глаза. Читай-же въ моей душѣ,— вотъ я вся передъ тобою! Ну, погляди на меня, загляни въ мое сердце... Убѣдись, убѣдись!..

Антонъ. Я знаю только одно: если ты не вернешься...

Елена. Милый, я вернусь. Ты—моя жизнь, мое солнышко. Не надо сомнѣй! Развѣ ты не видишь, не чувствуешь, что я только твоя, тебя люблю, всегда!

Антонъ. Лена, не будемъ больше мучить другъ друга Поѣзжай. Сегодня пришла почта, съ обратнымъ ямщикомъ и поѣзжай. Знаешь, я... я спокоенъ. Прости, что я тебя мучилъ. Вѣдь я же... Э, да что... Ерунда! Поѣзжай, милая, поѣзжай скорѣ...

Елена. Да? Ты понялъ?

Антонъ. Ты должна єхать. Иначе нельзя..

Елена. Антонъ, говори все, что у тебя таится въ душѣ.

Антонъ. Милая, повѣрь, я спокоенъ, вполнѣ

спокоенъ. Ну, посмотри на меня! Ну, улыбнись! Леночка... Славная моя.—Ну, ладно. Знаешь, ты ступай къ себѣ, а я пойду къ имщику. Надо тебѣ собираться. Я потомъ зайду къ тебѣ. Мы тебѣ проводимъ до перевоза всѣ. Да не глади на меня такъ. Ей Богу, все хорошо. Охъ меня всякая дурь свалилась. Ну, развѣ Леночка меня нѣ любить? Роднаа! Ну, ну, ладно. Маршъ домой! Я сейчасъ къ имщику.

Елена. Ты зайди ко мнѣ одинъ. Не хочу, чтобы другое были.

Антонъ. Ну, конечно. Ну, иди, иди. (Цыглюются)

(Елена идетъ къ дверямъ).

Антонъ. Лена...

(Она останавливается.)

Антонъ. Иди, иди, я так... (Еще цыглюются. Елена выходитъ.)

Антонъ (одинъ) Лена...

(Ходитъ по сценѣ, скорбя и волнуясь. Беретъ шапку.)

(Входятъ Никита и Борисъ.)

Никита. Куда это ты?

Антонъ. По дѣлу, товарищъ. (Уходитъ.)

Борисъ. Напрасно всѣ вы такъ болтесь компромисса. Бѣжите отъ него, какъ черть отъ запана. Я не могу понять: всѣ толкуютъ: долой компромиссъ, къ чорту компромиссъ, а сами на каждомъ шагу идутъ на тысячи компромиссовъ! Развѣ не такъ? Самая наша жизнь здѣсь, въ ссылке, развѣ не сплошной компромиссъ? Мы обросли

компромиссами. Мы по грудь въ компромиссахъ; какъ свинья въ репяхъ!

Никита. Постой, постой. Надо разграничить самое понятіе компромисса. (Максъ кричитъ со двора:) Никита, гдѣ топоръ?

(Конецъ 3-го дѣйствія).

(ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ)

Та же изба.

Зима.

Никита за столомъ пишетъ.

Антонъ ходитъ по избѣ, напевая:

„Время иное настанетъ,
Воли добьется народъ”...

Никита пишетъ, перечеркиваетъ, рветъ. Снова пишетъ. Снова рветъ.) Антонъ, пожалуста, не можешь ли ты перестать? минутъ на 10? Ей—Богу, всѣ жили вытянуль!

Антонъ. Ладно, товарищъ (Ложится на койку).

Никита пишетъ, встаетъ, ходитъ.

Антонъ. Не ладится?

Никита. Все не то, не то! У меня такое чувство, будто умерла моя мать. Да нѣть, не то. Это чувство сложный. И глубже. И мучительный. Дѣло всей жизни погибаетъ. Понимаешь, Антонъ, все, все гибнетъ. Ничего не осталось. Словно взяли душу, вывернули и вытряхнули все въ помойную яму. Опустѣла душа. И что могу я имъ сказать въ письмѣ? Надо писать тысячу книгъ, чтобы

оказать все или найти одно настоящее слово. А у меня его вѣть.

Антонъ. Я-бы ничего не стала писать.

Никита. Я не могу не писать. Я долженъ написать. Иначе — зачѣмъ я жиль? Зачѣмъ я гниль по тюрьмамъ, голодать въ ссылкѣ, отказался отъ всѣхъ радостей жизни? Я уже старикъ, я всю жизнь отдалъ служенію одной идеѣ, и вотъ, когда я уже однай ногой въ могилѣ, когда я уже подвожу итоги своей жизни — мнѣ говорять, что я всю жизнь заблуждался, всю жизнь ошибался, и даже не только ошибался — приносилъ одинъ только вредъ. Вѣдь тутъ же (*хватаетъ со стола газету*), чернымъ по бѣлому напечатано, что вся наша работа была огромнымъ недоразумѣніемъ, что она погубила, понимаешь, погубила революцію. Погубила! Значить, я плачу революціи. Я, всю жизнь отдавшій ей, я былъ только ея палачомъ. Вѣдь вотъ они что говорятъ. Если бы это говорили идеиные враги — это понятно было-бы. Но вѣдь это товарищи, вѣдь это все они-же — Терской, Астеръ, Лебедевъ, Иономаренко. Почему такой поворотъ? на чёмъ основываютъ они свои посылки? Вѣдь всѣ эти посылки — явно воплющее, кричащее и съ наукой и съ нашимъ собственнымъ опытомъ. Есть-ли хоть крупица науки въ этихъ ихъ упражненіяхъ? Общія мѣста, туманныя фразы — вотъ ихъ содержание. Во имя чего опрокинуто все старое знаніе. Во имя какой-то глупой фикції!

Антонъ. Вполнѣ понимаю твоё волненіе, но не могу понять одного: каждый ребенокъ въ кон-

цѣ концовъ становится взрослымъ человѣкомъ и выростаетъ изъ дѣтскихъ рубашонокъ. На усатого верзилу въ 20 лѣтъ не напялишь тѣхъ штанишекъ, въ которыхъ онъ щеголялъ 10 лѣтъ назадъ. А кто виноватъ, что онъ выросъ. Штанишки тоже не виноваты: они шиты на 10—лѣтняго. Кто же виноватъ? Кого выпороть за это?

Никита. По твоему, значитъ, произошла вполнѣ естественная смѣна штан-шекъ на брюки?

Антонъ. Сонершенно естественная. Такъ было всегда и всегда такъ будетъ. Вспомни, вѣдь наша программа учить, что всякому данному состоянію общественной жизни присущи и вполнѣ определенные формы производства. Не можешь-же ты сказать, что жизнь остановилась въ тотъ самый часъ, когда ты вошелъ въ партію. Жизнь несетъ впередъ, и за ней надо бѣжать вприпрыжку, иначе останешься съ голой программой, а жизнь будуть творить безъ тебѣ.

Никита. Такъ, но скажи, гдѣ-же, гдѣ эти факторы, которые говорили бы о несоответствіи нашей программы съ жизнью? Гдѣ это новое, чего мы не знаемъ? Въ чёмъ произошла смѣна? Что прибавилось, какая шестерня введена въ механизмъ, какой подшипникъ стерся?

Антонъ. Товарищъ, мы отстали отъ жизни, не будешь-же ты этого отрицать. Мы дьявольски отстали отъ жизни. И решительно во всемъ. Возьми хотя-бы литературу. Развѣ эта литература нашего времени? За 4-5 лѣтъ она совершенно измѣнилась. Развѣ эти темы, что доминируютъ въ ней

сейчас, не народились какъ-то внезапно? Развѣ бѣть назадъ мы встрѣчали ихъ? Нѣтъ, ихъ не было. А вѣдь литература, какъ говорится, зеркало жизни. Значитъ, и жизнь измѣнилась. Что мы можемъ, о ней сказать? Мы живемъ прошлымъ. Сперва по тюрьмамъ, потомъ здѣсь—развѣ мы можемъ считать себя въ курсѣ жизни? Вѣдь мы связаны съ жизнью только вотъ этимъ листочкомъ нашей партійной газеты. И потому—развѣ эта декларация, которая тебя такъ изволновала—развѣ она такъ неожиданна? Вспомни, еще весной была статья того-же Пономаренки. Помнишь нашъ диспутъ? Разрывъ готовился давно. И ты его чувствовалъ, признайся. И я его чувствовалъ. И если можно было о чёмъ спорить, такъ это о томъ, кто побѣдить: Пономаренко съ Терскимъ, или наши старики съ Игнатовичемъ. Ну, побѣдили молодые...

Никита. Эта побѣда—гибель партіи. Гибель традицій, гибель всѣхъ завоеваній.

Антонъ. Такъ-же, навѣрное, говорили и въ средніе вѣка соперники Коперника. А между тѣмъ сейчасъ всякий приготовишь сумѣть доказать, что именно земля вертится вокругъ солнца, а не солнце вокругъ земли.

Никита. Одно дѣло доказать существование опредѣленного закона природы и другое дѣло выдумать какой-нибудь законъ и заставить природу подчиниться ему.

Антонъ. Такъ же, навѣрное, говорили и противники Коперника. Да, что, въ самомъ дѣлѣ, Никита! (Горячасъ), да вспомни германскую со-

щаль-демократію! Развѣ ея позиція со временемъ „Коммунистического Манифеста“ не измѣнилась? Развѣ тамъ иѣть Бернштейна и Каутскаго? Да возьми ты исторію всякой партіи. Рѣшительно всякой. Вѣдь это же сплошная исторія поправокъ, пересмотровъ, внутри партійныхъ побѣдъ и поражений. Жизнь мчится впередъ. Ееничѣмъ не остановишь. Сколько не махай передъ ея лицомъ своей программой, тошай ногами, кричи: „Назадъ“! —она не остановится.—Э, да чертъ бы побралъ все это! Надоѣли эти вѣчные споры, эти слова, фразы, это безцѣльное стучаніе языкомъ! Тоска... Эта проклятая зима никогда не кончится!

Никита. Для меня ясно, что партія больше нѣтъ. Есть что то новое. И я не могу молчать. Я долженъ заявить, что выхожу изъ партіи. И я это имъ напишу.

Антонъ. Пиши. Пиши имъ, что всѣ они дураки, осли, идиоты, что секретомъ дѣлать революцію обладаете только вы съ Игнатовичемъ. Пиши имъ, что проклинаешь ихъ. Пиши. Пиши!

Никита. А ты знаешь, что значить выйти изъ партіи? Это похоже на самоубійство.

Антонъ. Ничего я не знаю, и чортъ возьми и тебя и партію. Оставь ты меня, ради Бога!

Никита. Да кто тебя трогаетъ? Положитель-но, Антонъ, на тебѣ съ нѣкотораго времени черти ёдуть.

Антонъ. Ну и пускай ёдуть, только ради Бога не вздумай ёздить на миѣ и ты!

Никита. Слушай, это, наконецъ, возмутитель-

но. Съ тобой нельзя говорить. Ты создаешь совершенно невозможные условия жизни.

Антонъ. Уйду. Уйду ко всемъ чертамъ! Я знаю, что я действую тебе на нервы, отравляю тебе жизнь. Ну, и чертъ съ вами! Уйду. Только оставь меня хоть сейчасъ въ покой!

Никита. Антонъ!

Антонъ срывается со стула. Одевается.

Никита. Антонъ, да брось ты, ради Бога!

Антонъ. Брошу!. Только не мѣшай, пожалуйста.

Никита. Антонъ, да полно. Ну, извини. Ну, да будешь тебе. Ей-Богу, такъ невозможно. Ну, извини меня, пожалуйста!

Антонъ. Извини.

Никита машетъ рукой, отходитъ.

Антонъ продолжаетъ одеваться.

Никита подходитъ и обнимаетъ его. Полно, товарищъ, помпримся. Не ходи никуда, Антонъ. Прости, я погорячился.

Антонъ. Опять же извиняется. Чудакъ!

Никита. Да оставь, ты пожалуйста. Антонъ. Забудь ты этотъ разговоръ. Раздѣтайся, будемъ чай пить.

Антонъ. Ей Богу, Никита, порой такъ бываетъ скверно, что...

Никита. Да ну, перестань. Вотъ скоро приѣдетъ Елена.

Антонъ. Ахъ, не вѣрю я...

Никита. Глупый ты. Вѣдь она же тебя любитъ. Ну слушай, раздѣтайся. Давай говорить о

чемънибудь радостномъ. Не бросай на этотъ вечеръ меня, старика, одного. Слушай, я тебѣ расскажу, какъ мы въ Таганрогѣ въ тюрьмѣ журналь издавали.

Антонъ. Эхъ, чудачокъ ты, милий. Сказочку каприсному дѣточкѣ собирается разсказать.

Никита. Ну, ну ладно. Ну, раздѣтайся. Я сейчасъ чай приготовлю. А то, что это, ей-Богу, самоѣдство какое то! Ахъ, да, а ты про Еремина слышала? Нѣть? О, братецъ мой, я сейчасъ тебѣ расскажу. Я про него даже романъ началь было писать... Подожди, вотъ сейчасъ печку разожгу...

Пауза. Никита разжигаетъ печку. Антонъ ходитъ по избѣ.

Никита. Я тогда еще молодымъ былъ, кажется, въ 6 или 7 классѣ гимназіи. Ну конечно по урокамъ приходилось бѣгать...

Входитъ Зайцевъ, замѣтно пьянъ.

Борисъ. Въ гости пришелъ.

Никита. А, это ты, Борисъ. Садись, товарищъ, я сейчасъ чай приготовлю.

Борисъ. Ладно. Я къ вамъ, ребятушки, пьянствовать пришелъ (вынимаетъ изъ кармана бутылку). Не выгоните?

Никита. Эка ты, Борисъ, опять закуролесилъ.

Борисъ. Опять, паря. Половину дома выпилъ... Нѣть, не могу сидѣть дома. Тоска. Никита проклятая тоска... Вѣра плачетъ... Все опротивѣло, осточертѣло. Эхъ, будь она проклята жизнь. Антонъ, дай, пожалуйста, чашку. Впрочемъ, я самъ

войму. (Беретъ съ полки чайную чашку). Никита, давай водку пить!

Никита. А ну, тебя. Пей, коли хочешь.

Борисъ. Что-жъ, буду пить одинъ. (Пьетъ). Фу гадость. Никита, позовълъ задать тебъ нельзяный вопросъ: Въ чемъ смыслъ жизни?

Надъ этой загадкой много мудрило головъ, Головъ въ колпакахъ, съ іероглифами, Головъ въ чалмахъ и тіарахъ, Головъ въ парикахъ, и тысячи тысяча другихъ.

Головъ человѣческихъ, жалкихъ безсильныхъ...

Скажите мнѣ, волны, что есть человѣкъ? Откуда пришелъ онъ, куда пойдетъ.

И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ? Да, братъ.. Волны журчатъ. Вѣтъ вѣтеръ, бѣгутъ облака.. блещутъ звѣзды, безучастию холдныя.. И дуракъ ожидаетъ отвѣта..

Антонъ. На то онъ и дуракъ чтобы ожидать отвѣта.

Борисъ. Буддистъ созерцаеть свой пупокъ и въ этомъ видитъ смыслъ жизни. Но если бы у него былъ ребенокъ, единственный ребенокъ.. и умеръ бы... Неужели браминъ продолжалъ бы созерцать свой пупокъ?

Никита. Готово. Хочешь чаю, Борисъ?

Борисъ. Давай, все равно. Знаешь, я видѣлъ его сегодня во снѣ. Носилъ его на рукахъ и подбрасывалъ. И онъ смыкался! Этотъ смычъ! Ахъ, какъ смыкаются дѣти! Ну, скажи, кому было надо,

чтобы онъ умеръ? Кому нужна стала его жизнь? Гдѣ тутъ смыслъ?.. Какія силы тутъ дѣйствуютъ? И вѣдь какъ трагически глупо: одна прививка, каплю противоядія, капли какого-то паршиваго гною, сыворотки—и онъ быть-бы живъ! Понимаешь, ничтожная капля скверной крови—и спасенье человѣкъ. Нѣть этой капли—и все идетъ къ черту! Ну, скажи, ради чего все это, кому это нужно, какому чудовищу нужно, какому чудовищу нужно это?

Никита. Успокойся, Борисъ. Конечно, все это страшно тяжело, но это пройдетъ. Вы съ же-най очень молоды, у васъ будуть другія дѣти...

Борисъ. Молчи! Другіе дѣти! Это зиѣрина мо-раль! Пусть будетъ сто другихъ дѣтей — а онъ гдѣ? А Вася гдѣ? Ты не былъ отпомъ.. Никита, ты не можешь понять, что значитъ потерять ребёнка. Ужасъ! Когда умираетъ чужой ребенокъ! Жалко, обидно, но обѣ этомъ забываешь ровно черезъ 5 минутъ. За эту зиму знаешь сколько умерло? 16 ребятъ. И весь отъ лифтерита. 16 ребятъ! Васька былъ 17-мъ. И послѣ будуть поми-ратъ, и умираютъ, и много ихъ умретъ, — но все это чужие. А это — мой сынъ, мой ребенокъ, моя душа, все, все. Ты думаешь, я пьянъ? Ахъ, если бы я могъ опьянѣть такъ, чтобы хоть на минуту по-забыть все!

Антонъ. Бѣжать тебѣ надо, Борисъ.

Борисъ. Не могу. Нельзя бѣжать. Вѣдь здѣсь его могила. Вѣдь здѣсь лежитъ его маленьное нѣжное тѣльце. Бррр.. когда его опустили въ мо-

гилу—помнишь, Никита,—застучали мерзлый комъя земли... у, Боже мой, что это быть за звукъ! Не могу забыть.. Не могу забыть.. Бѣжать? Нѣтъ! Знаете, можетъ быть, я схожу съ ума, но мнѣ иногда кажется, что онъ живъ! Что онъ быть только въ обморокѣ. И вотъ онъ очнулся тамъ, въ гробу, подъ землей... Боже мой!. Какъ онъ закричалъ: „Нана!“. Я слышу этотъ голосъ, слышу...

Никита. Ну, ну, Борисъ, возьми себя въ руки.

Борисъ. Бѣжать Не могу. И Вѣра не можетъ. Бросить его могилку? Оставить его здѣсь одного, маленькаго, такого маленькаго, нѣжнаго, милаго?.. Сидишь дома и кажется все это какимъ-то дьявольскимъ наважденiemъ. Все напоминаетъ о немъ. Его кроватка... его шубка.. Весь домъ полонъ имъ... Э, да... (пѣтъ). Знаемъ мы отвѣты на всѣ вопросы, знаемъ разстояніе отъ солица до Сатурна, и вѣсъ и составъ, и все, и всемъ.. А вотъ забочтеть дифтеритомъ ребенка... и конецъ.. Нечѣмъ помочь... И умирает..

П а у з а.

Борисъ. Позвольте мнѣ остаться почевать. Я не могу идти домой.

Никита. Конечно, конечно. Борисъ. Оставайся, товарищъ. А Вѣра не будетъ беспокоиться?

Борисъ. Да, Вѣра.. Нѣтъ, мнѣ надо идти домой. Знаешь, Никита, еслѣ-бы не она, кончишь-бы въсю эту дребедень.

Никита. Глупо...

Борисъ. Все равно... (Пѣтъ).

Входитъ Вѣра.

Вѣра. Здравствуйте, товарищи. Борисъ, ты опять пьешь водку?

Борисъ. Не сердись, голубка. Знаешь, и имъ сейчасъ разсказывалъ веселую исторію. Какъ мы съ Костей Бауманомъ на дуэли дрались.. Помнишь, я кажется, тебѣ разсказывалъ? О, веселая исторія. То было въ утро нашихъ лѣтъ. Антонъ, а помнишь, какъ мы съ тобой налимовъ удили? Эхъ, товарищи, скорѣй-бы весна! Знаете, я вамъ сейчасъ еврейскій анекдотъ разскажу. Что, ей Богу, чего вы всѣ такіе хмурые? Вѣра, я водку сейчасъ выброшу. Ну, ее къ чорту, надоѣло. Ну, слушайте. Вагонъ третьаго класса. Ну, вароду, конечно, видимо-невидимо. Въ воздухѣ не то что топоръ—цѣлый токарный станокъ повѣсишь. Никита, а гдѣ вашъ токарный станокъ? А, вирочемъ... Да, о чёмъ бишь я?.. Вѣра, вотъ придетъ весна, тогда мы съ тобой... О, мы тогда...

Вѣра. Борисъ, пойдемъ домой.

Борисъ. Хорошо, хорошо, конечно. Будемъ читать Чехова. Знаешь, Никита, его „Степь“? Замѣчательно! Удивительно талантливо... Да, вѣдь я хотѣлъ анекдотъ разсказать. Антонъ ты не спиши? Нѣтъ, какъ это ты ложко тогда въ прорубь угодилъ. Ей-Бэгу, ловко. Ха-ха-ха! Понимаете, я не успѣлъ оглянуться, а онъ уже вверхъ ногами. Торчатъ ноги изъ проруби. Ей Богу!

Вѣра. Какъ у васъ холодно, товарищи,

Никита. А вы выпейте чаю. Антонь, подбось, пожалуйста, дровы. Или погоди, я сам.

Антон встает и подбрасывает дровы в печку. Подходит к Борису, хлопает его по плечу. Такъ, значитъ, ноги торчатъ?

Борис. Чѣ? Какія ноги? Ахъ, да.. Весна, весна скоро... Хороша весна въ этихъ мѣстахъ... За весну можно полюбить этотъ край.. А знаете, я совсѣмъ пьяный. Миѣ пѣть уже хочется.. А? Спѣмъ, товарищи?

Никита. Только безъ меня. Ни слуху, ни голосу.

Борис. О, все это предразсудки. Гранемъ братцы, что, ей Богу!

Антонъ. Стой! Кажется, колокольчикъ?

Борис. Вздоръ. Это у меня въ ухѣ звенитъ. Подтагивай, Антонъ. „Изъ страны страны далекой“..

Антонъ. Стой, тебѣ говорить! Колокольчики, слышишь?

Звонъ колокольчика.

Никита. Вѣрою. Почта, должно быть.

Антонъ Ну, какая-же почта? Товарищи, а вѣдь это со стороны Пекмы? А?

Вѣра. Ахъ, если бы Лена прїѣхала!

Борис. Ерунда, это не наши. Слышите, повернули къ земской квартирѣ...

Вѣра. Сколько бывало этотъ колокольчикъ будить въ душѣ разныхъ чувствъ. Ждешь бывало писемъ, книжъ... Теперь никто не пишетъ. Только мама...

Борис, поетъ: „Колокольчики - бубенчики звенятъ,

Простодушную рассказываютъ быль“...

Надей чай, Никита...

Антонъ, одѣвается.

Никита. Куда, товарищъ?

Антонъ. Найду, узнаю, кто прїѣхалъ.

Вѣра. Ждете? Лена писала?

Антонъ. Нѣть

Борисъ. И лучше. Не женись никогда, товарищъ. Женись, но пусть не будетъ дѣтей...

Вѣра. Борисъ, перестань.

Борисъ. И ничего. „Ты орденъ на ленточкѣ

Поѣсишь на сердце мое“...

Антонъ раздѣвается.

Борисъ. Чего-же ты?

Антонъ А, не стоять.

Борисъ. Воинъ разочароваться?

Вѣра. Если-бы прїѣхала Лена, стало-бы хоть немножко теплѣтъ за душѣ. Она такая славная. И такая пѣльная натура.

Антонъ. Давно не пишеть...

Борисъ. Значить, сама скоро прїѣдетъ. „Товарищъ, вѣрь взойдетъ она...

Входитъ Бродяга.

Бродяга. Ой, вы гой еси, люди добрые! Пустите бѣднаго одинокаго путника переночевать.

Борисъ. Бродяга!

Всѣ спѣшатъ къ нему навстрѣчу. Радостные восклицанія. Бродяга быстро раздѣвается

Бродяга. Вотъ они гдѣ, крамольники то заѣли! Раскройте-же мнѣ горячія объятія, я совсѣмъ

замерзъ. Ну, начнемъ съ Никиты (*обнимаютъ*). Здравствуй, батько Никита. А ловко ваша „Радуга“ фронтъ-то повернула.—Антона, другъ. Молодой меньшеникъ съ классической прической! Борису наше пижайшее! Фу, да отъ тебя, братъ, спиртомъ такъ и разитъ!

Борисъ. Ну, выдумаешь тоже. Это тебѣ съ морозу показалось.

Бродяга. Фу, густо! Товарищъ Вѣра, какъ вы это его изъ рукъ выпускаете? Здравствуйте, милая Вѣра. Ну, слава Богу, опять я здѣсь. Фу, даже жарко стало! Что значитъ горячее гостепримство. А, и чай на столѣ? Великий Богъ, какъ прекрасна жизнь!

Антонъ. Ты одинъ пріѣхалъ?

Бродяга. Я то? Нѣть, братъ, вдвоемъ. Я пріѣхалъ съ товарищемъ аппетитомъ. Ну, где у васъ шаньги то? Что есть въ печи—все на столъ мечи. Ну, братцы, и померзъ же я дорогой!

Борисъ. Да ты на земскихъ пріѣхалъ?

Бродяга. Съ обратнымъ ямщикомъ. Фу, ну, хорошо, ей-Богу! Ба да я и позабыть, у меня вѣдь такой деликатесъ съ собой (*роется въ сумкѣ*). Пирогъ съ харюзомъ. Въ Пежмѣ Антипиха да-ла. Изъ сожалѣнья, изъ участья.

Антонъ. Ты черезъ Пежму ѿхалъ?

Бродяга. Вотъ именно. А что? Фу, чертъ, и дуракъ-же я. Вотъ те на! Ей—Богу, позабыть! Нака, братъ, это тебѣ. Вѣдько передать въ собственныя руки, хотя я никакой собственности и не признаю....

Антонъ. Давай, давай (*беретъ письмо, читаетъ*).
Бродяга. То-то! Читай и умилийся. Борисъ, что голову повѣсили? Ахъ, да. Максъ что-нибудь писалъ?

Никита. А развѣ ты не получишь? Я его письмо къ тебѣ отправилъ.

Бродяга. На Кону? Ну, пиши прѣжало. Я вѣдь съ самой осени броожу. Съ Ковы еще на Покровъ двинулъ.

Антонъ *мрачно остаетъ и идетъ къ койке Вѣры. Отъ Лени?*

Антонъ. Да.

Вѣра. Ну, что она пишетъ? Когда прїѣдетъ?

Антонъ. Никогда. (*Даетъ ей письмо*). Прочтите.

Вѣра. Да зачѣмъ-же....

Антонъ. Прочтите.....

Вѣра читаетъ.

Бродяга. Никита, отвѣдай ка, братъ, харюза-то. Удивительно спмпатичное жратво. Борисъ, да что ты такой угрюмый?

Борисъ. Зубъ болитъ.

Бродяга. Вышибить его, подлеца! Давай, я въ одну минуту.

Вѣра (*возвращаетъ Антону письмо*). Да...

Антонъ. Прочитали?

Вѣра. Я ее не понимаю.

Антонъ. Она, видите-ли, не можетъ перешагнуть черезъ трущъ. Ну, ладно...

Бродяга. Чего ты еще тамъ о трупахъ? Какие трупы—живые или настоящіе? А что Елена пишеть?

Антонъ. Читай.

Бродяга. А ну вишь къ лѣшему! Тамъ можетъ, такія слова, что миѣ и слышать-то ихъ неподходяще...

Антонъ. Нѣть, прочти, любошытио.

Бродяга. Эге, да и ты чего-то почеркнѣлъ, Ну-ка, посмотримъ, какъ женщины письма пишутъ. Чать, ошибокъ-то! (Читаетъ). Такъ-стъ. Что-жъ бываетъ и здакъ.

Антонъ. Бываетъ, товарищъ.

Бродяга. Знальбы, не вѣзъ бы съ собой этого письма. О, женщины... какъ дальние то, Никита? Н...да.

Борисъ. Плюнь, Антонъ, такъ оно и должно быть.

Вѣра. Я положительно ничего не понимаю. При чёмъ тутъ трупъ? Не ладно, видно, съ ней Ефимъ, вы ничего въ ней особеннаго не замѣтили...

Бродяга. Да и ее и видѣть-то мелькомъ. Она у учительницы живеть, а я съ учительницей еще весной поругался...

Вѣра. Нѣть, положительно съ ней что-то испадное творится. Это письмо.. Это прямо бредъ какой-то...

Антонъ. Не будемъ говорить объ этомъ, товарищи. Ничего, до весны доживемъ, а тамъ на есѣ четыре стороны...

Бродяга. Ну, этакъ обязательно поймаютъ Ты бѣги въ пятую, какъ я.

Борисъ. Весна.. весна.. а можетъ быть, она и не придетъ.

Бродяга. Если вашъ центральный комитетъ отмѣнитъ, такъ и не придетъ. Фу, лѣшій, опять позабылъ! Товарищъ Вѣра, какой я сюрпризъ вашему зайченку привезъ. Понимаете, чудо природы. Собирался съ попутчикомъ отправить еще чѣтомъ. Нѣть, лучше не показу... Самъ завтра принесу...

Никита. Бродяга, а ты какъ, стихи продолжашь писать?

Бродяга. Да иу тебя со стихами. А онъ у васъ чай уже большой? Поди, отецъ его уже Эрфуртскую программу заставляетъ учить? А? Славный онъ у гасъ парнога, ей-Богу, только жаль, родители эздѣки, испортятъ человѣка. Люблю я такихъ карапузиковъ. Занятные они, совсѣмъ какъ воробышки... Э, а это что?

Вѣра плачетъ.

Борисъ Бродяга. Замолчи ты, ради Бога.

Никита. Бродяга, а ты... можетъ быть... курить хочешь?

Бродяга. Я не понимаю... что сней?

Борисъ. Онъ умеръ, понимаешь?

Бродяга. Вася умеръ... Такъ!

Пазза.

Бродяга. Но какъ это пелѣво!

Пазза.

Борисъ. Вотъ ты, Ефимъ, живешь какъ птица небесная. Ты-молодая, веселая, здоровая, одинокая птица. Я не могу себѣ представить тебя безъ улыбки на лицѣ, безъ шутки на языкѣ. Мудрецъ ты или глупецъ я не знаю. Но, скажи, какъ ты

мыслишь по своему, по итчимъ: есть-ли по всемъ
отъмъ какой-нибудь смыслъ? Для чего все это
нужно? Кому нужно, чтобы онъ умеръ, а она
плакала бы, плакала бы вѣчно? Прибавится ли
хоть одна лишняя близника на землѣ, покинется ли
одна сѣйжинка лишняя отъ того, что мы, два
взрослахъ человѣка, такъ страдаемъ? Есть-ли
хоть капля смысла и разума во всей этой цыпмар-
вой нѣцѣности? И кому это нужно?

Бродяга. Ты сердечно ждешь отъ меня отвѣ-
та? Отвѣта не будеть...

Борисъ. Отвѣта нѣтъ. Ни у кого нѣтъ отвѣта.
Есть отвѣтъ изъ Евангеліи, но на два съ минусомъ.
Вѣра, не плачь, голубка.

Паза.

Борисъ. Тамъ гдѣ тѣ далеко, далеко, гремитъ
и сверкаетъ жизни. Горятъ огни, кипятъ людскія
страсти, грохочутъ машины, печатаются книги, бѣ-
гутъ поѣзда, кипятъ борьба за жизнь... А мы
адѣль сидимъ патеро, никому не нужны, вѣдьми
забытыми людами... Намъ уже перестали писать
письма.. настъ уже забыли.. забыли.. Никому не
нужные, лишние... выбросили настъ изъ жизни,
свали, растоптали, и отбросили въ сторону.. Пусть,
молгъ, корчатся въ судорогахъ, но не унасъ
на гнаахъ. Партийные витія сейчасъ тамъ лома-
ютъ концы, пишутъ пламенныя статьи, кипятъ, сра-
жаются съ мельницами.. а мы.. мы никому не
нужны.. И теряется вѣра во все.. и изъ людей, и
изъ то дѣло, которому отдали всю лучшую часть

жизни.. Если настъ забыли, значить, мы не нуж-
ны.. Никому...

Садится у ногъ Бориса и опускаетъ голову.

Паза.

Бродяга ходитъ по комнатѣ. Потомъ обни-
настъ Никиту и Антона. Садится на скамью.

Бродяга поетъ. „Время иное настанетъ,
Воли добьется народъ...“

Антона отпускаетъ голову ему на плечо. Ни-
кита задумчиво смотритъ передъ собою.

Бродяга поетъ: „Добрымъ настъ словомъ
помянуть,
Къ намъ на могилы придетъ.“.....

Ф. Н. Чудаковъ.

